

Феномен нового знания: постижение истины или сотворение мифа?

Часть 2. МИФЫ И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Оглавление

| | |
|--|----|
| 1. ЧТО ЗДЕСЬ ПОНИМАЕТСЯ ПОД ЗДРАВЫМ СМЫСЛОМ? | 1 |
| 2. ИСТИНА И МИФ | 9 |
| 3. ЛОГИКА МИФА И МИФЫ В ЛОГИКЕ | 16 |
| 3.1. Что такое логика мифа? | 16 |
| 3.2. О природе логики | 19 |
| 3.3 Логические катастрофы в современной математике | 26 |
| 4. ПСИХОЭТИКА МИФОВ | 33 |
| ЗАКЛЮЧЕНИЕ | 42 |

1. ЧТО ЗДЕСЬ ПОНИМАЕТСЯ ПОД ЗДРАВЫМ СМЫСЛОМ?

Современный мир, захлебывающийся в пучине нескончаемых споров об истине, переходящих нередко в большие и малые вооруженные столкновения, как никогда ранее пронизывает стремление к единению. Возможна ли в принципе реализация этого стремления в виде какой-либо философской идеи, которая, с одной стороны, была бы понятна и доступна многим, а с другой — не вызвала бы существенных возражений со стороны носителей многих различающихся в своей основе точек зрения? В условиях философского многоголосья мечта о такой идее сегодня кажется утопией.

В XX веке появилось несколько мощных философских направлений, претендовавших на всеобщность. Если не считать философии марксизма-ленинизма, которая в России и в некоторых других странах выродилась в государственную идеологию (т. е. по сути — в свою карикатуру), то наиболее значительными считаются следующие философские системы [Канке, 2000]: 1) феноменология (Э. Гуссерль); 2) фундаментальная онтология (М. Хайдеггер); 3) герменевтика (Г.-Г. Гадамер); 4) Франкфуртская школа критической философии (М. Хоркхмайер, Т. Адорно, Ю. Хабермас, К.-О. Апель и др.); 5) аналитическая философия (Б. Рассел, Л. Витенштейн, Г. Рейхенбах, Р. Карнап, У. Куайн и др.); 6) постструктурализм и постмодернизм (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар и др.).

Представители каждого из этих философских направлений убеждают всех остальных в правильности своего философского взгляда на мир, и каждое из этих философских направлений имеет многочисленных приверженцев и подражателей. Во многом эти философские системы различаются по терминологии и методам познания окружающего мира, и в некоторых аспектах несовместимы друг с другом. Проблема «наведения мостов» между этими философскими направлениями в философской литературе представлена весьма скупо. Впрочем, «наводить мосты» тоже не просто, так

как эти системы самодостаточны в определенном смысле: если попытаться глубоко «погрузиться» хотя бы в одну из них, то останется мало шансов на то, что появится интерес к другой философской системе.

Если рассматривать эти философские системы с точки зрения разработки новых методов познания, то, пожалуй, наибольший конкретный вклад в методологию науки внесла аналитическая философия. Во многом это объясняется тем, что эта философская система создавалась в тесном союзе философов, логиков и математиков. Современный взрыв достижений техники и информационных технологий во многом обусловлен методологическими установками и теоретическими разработками этого направления. Но в то же время это направление в немалой степени способствовало созданию трудно преодолимых преград между «точным» и «гуманитарным» знаниями. Гуманитарные науки в основном подхватили знамя постмодерна, в котором приоритет отдается дискурсу (т.е., по сути, новому толкованию или новому языковому оформлению описания уже известных объектов), а логика и этика при этом играют далеко не первую роль и в большинстве конкретных дискурсов либо игнорируются, либо приводится как пример «нефилософского» взгляда на мир.

Попытки выразить единую и приемлемую для всех философскую идею предпринимались на протяжении всей истории философии, и даже сейчас, когда многие мощные философские системы, владевшие умами цивилизованного мира до XX века и претендовавшие на всеобщность, потеряли былой авторитет и былую привлекательность, эта мечта является стимулом для многих «искателей причины причин».

Дифференциация или, точнее, лавинообразное размежевание сейчас происходит во всех сферах общественной жизни: в политике, религии, науке, искусстве и даже в таких «мелочах», как «неформальные объединения», семья и т. д. На фоне этого размежевания и во многом вследствие оно же вдруг неожиданно обнаружились мощные объединяющие силы, но не в сфере духовной культуры и нормальных человеческих взаимоотношений, а совсем в иной сфере: объединяются корыстолюбцы и преступники, для которых уже не являются препятствием ни национальные или мировоззренческие различия, ни государственные границы. И чем больше размежевание в нормальном обществе, тем больше возможностей для объединения этих темных сил.

Размежевание не обошло стороной и современную науку. Она, по сути, оказалась разбитой на мелкие огородики со своими строгими стражами и своими методами обработки своего «участка территории», и этот процесс дробления почти неуправляем, потому что многие «стражи порядка» в науке, даже на самом высоком уровне, крайне заинтересованы в таком положении вещей: ведь большинство из них «вышли в люди», исповедуя «огородную» идеологию. Эта идеология носит безобидное название «процессы дифференциации в науке». Противоположные процессы — «интеграции» — также стихийны и в настоящее время имеют немало общих внешних признаков с процессами дифференциации. Для успешного развития процесса дифференциации необходима безусловная свобода мифотворчества, и потенциальные мифотворцы этой свободой обеспечены достаточно, если не считать не всегда объективных ограничений, связанных с публикацией и пропагандой создаваемых или исповедуемых ими философских взглядов, религиозных учений, теорий, концепций и парадигм.

Противостоять безудержной дифференциации знания может только целенаправленная интеграционная деятельность. Но для нормального функционирования этой деятельности необходима одна общепризнанная методологическая идея. В чем суть этой идеи? С этим пока что не имеющим ответа вопросом и вступает в XXI век

современная наука. И, может быть, отсутствие ответа на этот вопрос является одной из главных причин увеличения взаимного непонимания и нарождающегося хаоса не только в науке, но и в общественной жизни.

Наивный лозунг кота Леопольда «Ребята, давайте жить дружно!», с которым многие простые люди мысленно или гласно обращаются к современным идеологам и власть имущим, сдерживается и заглушается во всех высоких сферах. Другая формулировка этого лозунга («Интеллигенты всех стран, соединяйтесь!») содержится в недавно вышедшей книге В. Сагатовского, в которой под интеллигентами понимается не профессиональная группа, но союз сознательно ориентированных на добро и соборность генераторов идей [Сагатовский, 2000]. Но есть надежда, что этот лозунг станет более весомым, если найти для него простую и в то же время достаточно обоснованную философскую истину. Нам кажется, что такой истиной является здравый смысл. Но что такое здравый смысл?

К здравому смыслу обращались философы самых разных направлений. Сначала приведем крайние точки зрения. Гегель считал, что всякая философия идет впереди здравого смысла, ибо здравый смысл не есть философия. Энгельс же полагал, что здравый смысл — это «логически необходимый результат великой, бессознательно логической истории». Видимо, ставить точку в этом споре еще рано. Каждый философ по-своему понимает здравый смысл. Здесь просто предлагается еще одно его понимание.

Обратимся к «Философскому словарю» (1980 г.). Из этого словаря мы узнаем, что в философской литературе термин «здравый смысл» употребляется «прежде всего в противовес оторванным от практической жизни схоластическим построениям», что «на здравый смысл пытались сослаться и защитники идеализма (например, Беркли и Фихте)». Заслуживает внимания основное определение этого термина, приведенное в этом философском словаре: «*Здравый смысл* — совокупность взглядов, навыков, форм мышления, используемых рядовым человеком в его повседневной практической деятельности...». В этом определении неявно подразумевается, что *нерядовому* человеку здравый смысл вроде и необязателен. К тому же многие люди отнюдь не стремятся все время быть *рядовыми*. А раз так, то выходит, что здравый смысл им вовсе не нужен. Особенно это относится к той категории людей, которые любят называть себя «творческой интеллигенцией». К этой категории, в частности, относят себя не только писатели, поэты, музыканты и художники, но и многочисленные работники СМИ, для которых в наше время стремление нести в массы разумное, доброе, вечное является скорее исключением, чем правилом. Именно поэтому понятие «творческая интеллигенция» еще не созрело до того состояния, когда его можно употреблять без кавычек.

Авторитетным выразителем пренебрежительного подхода к здравому смыслу среди «творческой интеллигенции» стал писатель Владимир Набоков. Для иллюстрации приведем две цитаты из его «Лекций по зарубежной литературе» (статья «Искусство литературы и здравый смысл»).

«Осенью 1811 года Ной Вебстер дал выражению «здравый смысл» такое определение: «дельный, основательный, обиходный смысл... свободный от пристрастности и хитросплетений ума. <...> Иметь здравый смысл — стоять обеими ногами на земле». Портрет оригиналу скорее лстящий, поскольку читать биографию здравого смысла нельзя без отвращения. Здравый смысл растоптал множество нежных гениев, чьи глаза восхищались слишком ранним лунным отсветом слишком медленной истины; здравый смысл пинал прелестнейшие образцы новой живописи, поскольку для

его прочно стоящих конечностей синее дерево — признак психопатии; по наущению здравого смысла уродливое, но могучее государство крушило привлекательных, но хрупких соседей, как только история предоставляла шанс, которым грех не воспользоваться. Здравый смысл, в принципе, аморален, поскольку естественная мораль так же иррациональна, как и возникшие на заре человечества магические ритуалы. В худшем случае здравый смысл общедоступен и потому он спускает по дешевке все, чего ни коснется».

Отдадим дань восхищения тонкой иронии знаменитого писателя. Но в полемическом задоре В. Набоков почему-то забыл о том, что немало «нежных гениев» от искусства призывало к уничтожению классического наследия или в лучшем случае к полному отказу от него. В споре «древних» и «новых» без крайностей не обходится с обеих сторон, и судьба многих поэтов и художников вряд ли обязана своей трагичности правильно понимаемому здравому смыслу. В статусе «непризнанных гениев» оказывались и те, кто не смог получить признание при жизни, и те, кто сумел до ухода в мир иной добиться успеха и относительного благополучия. Яростно критикуя «аморальный» здравый смысл, сам В. Набоков в своем творчестве даже не пытался противопоставить ему нечто «моральное». Здесь же в этой статье мы находим следующий тезис о нравственности в литературе, которому он неуклонно следовал на всем своем творческом пути: «Я никогда не признавал, что задача писателя — улучшать отечественную нравственность, звать к светлым идеалам с гремящих высот случайной стремянки и оказывать первую помощь маранием второсортных книг».

На наш взгляд, в таких суждениях о здоровом смысле эмоции преобладают над разумом. В качестве возражения тезису В. Набокова мы позволим себе привести цитату из известного стихотворения, автора, которого даже В. Набоков не считал «второсортным»:

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.*

Не мешало бы обратить внимание и на то, что В. Набоков в своих обвинениях здравого смысла использует почему-то «моральные» аргументы («Здравый смысл растоптал множество нежных гениев...»), «... здравый смысл пинал прелестнейшие образцы ...» и т.д.), против которых он сам же и выступает.

Свойственное современной «творческой интеллигенции» пренебрежительное отношение к здоровому смыслу в немалой степени внедрилось и в науку. Наверное, многие еще помнят, что в период хрущевской оттепели, когда вместе с политическими запретами были отменены и запреты на некоторые «идеалистические» науки, среди популяризаторов науки (а в их числе были не только журналисты и писатели с техническим образованием, но и многие известные ученые и философы) у нас в стране началась усиленная атака на здравый смысл. В качестве оправдания этого массированного наступления часто приводилось высказывание Нильса Бора: «Перед нами — безумная теория. Вопрос в том, достаточно ли она безумна, чтобы быть правильной». Нет никакой уверенности в том, что эти слова были сказаны общепризнанным корифеем науки Н. Бором без оттенка иронии. Но дело даже не в этом. Дело в том, что хмель свободы настолько вскружил головы, что никто не заметил в период этого наступления элементарной логической ошибки: для того чтобы смешать с пылью здравый смысл, его просто отождествили с догматизмом и примитивным упрощенчеством. И с этим ярлыком он ходит уже давно. Так что же тогда здравый смысл на самом деле?

Да, он «догматичен», поскольку в его основе лежит *преемственность*, т.е. внимательное и уважительное отношение к культурному наследию прошлого. Он «догматичен», потому что базируется на старых основополагающих принципах, к которым многие *рядовые* и *нерядовые* люди пришли уже давно: на *простоте*, *честности* и *милосердии*. Вопрос только в том, как эти простые истины облечь в форму обоснованного философского мировоззрения, которое могло бы стать объединяющей силой в сфере духовной культуры? Другими словами, можно ли в философии здравого смысла выйти за рамки «философии» кота Леопольда и объединить в себе многие, казалось бы, несоединимые особенности различных мировоззрений, идеологий и мнений? Выделим сначала главные полюсы расхождений, которые во многом являются реальной силой, разделяющей общество нормальных людей.

Выразим их в виде следующих антитез:

1) антитеза религиозного мировосприятия и мировосприятия людей, сомневающих в божественном происхождении мира и разума; следствием этой антитезы являются многочисленные межконфессиональные разногласия;

2) антитеза национального и интернационального;

3) антитеза «гуманитарного» и «точного» знаний.

Первые две антитезы, надо полагать, понятны без пояснений. Именно под их знаменем чаще всего происходили и происходят многие вооруженные конфликты, хотя внутренняя подоплека этих конфликтов в большинстве своем более примитивна (это в основном экономические интересы определенных кланов или властные амбиции у некоторых «вождей», доходящие до заражающего массы психоза). Суть третьей антитезы заключается в том, что представители «гуманитарного» направления в настоящее время убеждены в том, что нет необходимости опираться на некоторые подчас непростые истины, полученные к настоящему времени в «точном» знании (в первую очередь в математике и формальной логике). В то же время многие «физики» убеждены, что некоторые убеждения «лириков», игнорирующих «точное» знание, являются заведомо ошибочными.

В настоящее время трудно назвать известную и достаточно популярную философскую систему, в которой эти три антитезы были бы совместимы. Но идея, с помощью которой неоднократно предпринимались попытки совместить их, известна давно. Однако эта идея в современных спорах об истине не является популярной, поскольку считается, что ее применение хотя и достаточно для обоснования совместимости первых двух антитез, но совершенно недостаточно для обоснования совместимости третьей. Я имею в виду идею, которую можно условно назвать «нравственной философией». Действительно, нравственную философию можно было бы построить, исходя из комплекса этических принципов, которые не вступают в серьезные противоречия с основными принципами религиозной этики и национального самосознания. И эта нравственная философия могла бы стать мировоззренческой основой для многих проявлений социально-психологической и общественно-политической сфер жизнедеятельности. Но можно ли совместить нравственную философию с привлекательной для многих свободой личности и в первую очередь — со *свободой познания* и *свободой творчества*?

Если хотя бы бегло проанализировать разнообразный спектр современных наиболее популярных философских направлений, то окажется, что этот вопрос лежит в стороне от основного направления поисков, поскольку явно или неявно подразумевается, что ответ на этот вопрос отрицательный. Таким нейтральным (а в ряде случаев и антиэтическим)

подходом к построению всеобъемлющей философской системы отличаются практически все известные философские течения XX столетия — логический позитивизм, аналитическая философия, гносеология диалектического материализма, экзистенциализм, различные разновидности феноменологий, герменевтика, постмодерн и т. д.

В настоящее время обсуждается сравнительно немного источников философской мысли, в которых предпринята попытка совместить этику с познающей способностью человека. Но несмотря на то, что эти источники известны практически всем, кто хотя бы поверхностно интересуется философией и ее историей, их конструктивное начало оказалось за пределами внимания всех властителей дум в современной философии. С их точки зрения эти попытки «соединить несоединимое» оказались всего лишь заслуживающим уважения (но не более!) анахронизмом. Познавательная суть этики, которая пронизывает памятники древнеиндийской и древнекитайской философии, диалоги Платона, сказания евангелистов, философские и математические работы Б. Паскаля и Г. В. Лейбница, литературные и публицистические произведения И. В. Гете и В. Ф. Одоевского, эпистолярное наследие А. А. Ухтомского, культуроведческие работы Д. С. Лихачева и некоторые другие литературные и философские произведения, сейчас мало кого интересуют. Впрочем, среди известных философов XX века встречаются и те, кто придает этике в познавательных процессах первостепенное значение. Например, по Апелю, согласие в современном обществе даже в сфере познания не может быть достигнуто без этики, задачей которой является регулирование правил intersубъективной коммуникации [Апель, 1997].

А может быть, действительно, познание и этика несовместимы? Ведь случалось же в истории, что авторами гениальных изобретений, научных открытий и признанных шедевров искусства оказывались отнюдь не праведники. И разве не факт, что большинство современных ученых, давших миру всю разрушительную и созидательную мощь техники XX века, абсолютно равнодушны к призывам многих «лириков» и «романтиков» возратить нравственные начала в теорию познания? И разве не факт, что многие выводы и прогнозы классиков «нравственной философии» оказывались ошибочными? Под давлением этих и многих других неопровержимых аргументов любая попытка вернуть теории познания нравственное начало кажется смехотворной. Но если сопоставить насущные проблемы современного познания с формулировками и попытками решения аналогичных проблем в трудах непопулярных среди современных «интеллектуалов» мыслителей, то окажется, что многие из этих проблем либо сравнительно легко решаются, либо оказываются псевдопроблемами, поскольку вместе с утратой нравственного начала в теории познания была в значительной части утрачена культура мышления. С учетом этого *основной целью философии здравого смысла на данном этапе ее развития является восстановление утраченной этики, или шире, — культуры мышления.*

Основным этическим принципом философии здравого смысла можно считать отказ от приемов, методов и средств, мешающих естественному для каждого познающего (и не только познающего) человека стремлению к взаимопониманию. Этот принцип раскрывается в двух взаимосвязанных аспектах познавательной деятельности — языке и логике. Применительно к языку этот принцип реализуется как стремление преодолеть языковые барьеры познания, которые можно разделить на два типа: 1) языковые барьеры между гуманитарным и «точным» знаниями; 2) языковые барьеры между различными разделами и подразделами специальных наук.

Ясно, что *стремление к взаимопониманию* может быть реализовано только на основе

естественного языка, в котором используются лишь достаточно устойчивые и допускающие простое и ясное объяснение философские и научные термины.

Это сугубо этическое ограничение потребует от многих ученых, философов и просветителей немало труда и умственных усилий. Но кто доказал, что реализация этого принципа невозможна?

Здесь требуется пояснить значение термина *«естественный язык»*. Философскую систему принято излагать на философском языке. Но современный философский язык за последнее столетие утратил многие характерные черты распространенного в прошлом философского языка, который по составу и значениям терминов мало отличался от языка художественной прозы и публицистики. Разве что в нем более значительную роль играла логичность рассуждений и чаще встречались общенаучные термины (хотя проблематика философских произведений существенно отличалась от проблематики литературных и публицистических произведений). Часто даже не всегда удавалось отличить литературное произведение от философского (например, некоторые философские произведения И. В. Гете и В. Ф. Одоевского; в XX столетии после публикации философских работ В. С. Соловьева и Л. Шестова многие стали относить к философским литературные произведения Ф. Достоевского).

Современный философский язык утратил многие черты естественного языка, в частности, самое главное его достоинство — общедоступность. Сейчас понять многие современные работы по философии не в состоянии даже человек с высшим образованием, прошедший обязательный курс введения в философию. Философский язык по степени доступности сравнялся с языками специальных наук, хотя в нем в отличие от языка определенной науки в значительно большей степени допускается неоднозначность используемых терминов, многие из которых лишь при поверхностном подходе кажутся словами естественного языка. В современной философии ясность и точность изложения считаются, по-видимому, «дурным тоном». Поэтому используемый здесь термин *«естественный язык»* понимается как термин *«философский язык»*, но отнюдь не в современном смысле. Утрата этого языка породила у ученых даже некоторую ностальгию. Характерно в этом плане высказывание известного физика Макса Борна: «Физика нуждается в философии, которая была бы понятна даже ребенку».

Что касается логики познания, то эта тема в настоящее время не имеет в целом достаточно убедительного и внятного объяснения. Если ограничиться логикой, не выходящей за пределы силлогистики Аристотеля, то окажется, что ее можно использовать лишь для решения простых учебных примеров, но эта логика не является достаточной для глубокого понимания сути процессов познания. Более емкие и глубокие с точки зрения выразительных средств и методов логические системы разрабатываются в рамках математической логики. Но для того чтобы понять и оценить познавательную суть многих выдающихся результатов, полученных в математической логике, требуется подход, существенно отличающийся от подхода на основе теории формальных систем, принятого как незыблемая парадигма в современной математике.

В философской системе, претендующей на научность, должны быть четко выделены объект исследования и методы исследования. *Объектом исследования* философии здравого смысла можно считать зафиксированные в виде текстов, устных высказываний и сформировавшиеся в памяти людей результаты познания окружающего мира разными людьми. Эти результаты распространяются в человеческом обществе в виде мнений, установок, концепций, парадигм, дискурсов, теорий и т. д. Для обобщенного названия этих объектов исследования предлагается использовать термин *«миф»*. Новые мифы

создаются сравнительно немногочисленной когортой людей, остальные люди эти мифы отвергают или усваивают (иногда совершенно случайным образом) и лишь иногда вносят в них незначительные или существенные изменения.

Методы исследования условно можно разделить на предварительные (или поисковые) и детальные (или доводочные). *Предварительные методы* не являются совершенно точными и скорее относятся к мировоззренческим оценкам. Анализ мировоззренческих методов исследования достаточно освещен в философской литературе и выходит за рамки данной работы. Интересный и содержательный материал на эту тему содержится во многих неполитизированных работах по теории познания диалектического материализма. Работы многих философов этого направления примечательны еще и тем, что в них мировоззренческий анализ сочетается с неформальными, но в то же время достаточно строгими логическими методами анализа. Мы предлагаем включить в состав поисковых методов исследования *психоэтический подход*, кратко рассмотренный в разделе «Психоэтика мифа». Этот подход к настоящему времени в философской литературе как самостоятельный почти не рассматривался.

Детальные методы исследования имеют непосредственное отношение к логике. Стоит отметить, что во многих изложениях философских систем логический аспект теории познания освещается весьма поверхностно или же полностью игнорируется. Исключением является аналитическая философия, в которой проблемы логики относятся к основным. Однако логика в этом философском направлении рассматривается как свободное творчество, ограниченное лишь рамками математической теории формальных систем. С точки зрения адептов этой теории, разрешается называть «логиками» самые различные — вплоть до несовместимых друг с другом — формальные системы, многие из которых, по сути, никакого отношения к логике и методологии познания не имеют. Такой однобокий подход способствовал тому, что в XX столетии была утеряна связь логики с естественным языком. Тем самым перестали быть понятными смысл и назначение логики.

История философии оставила немало ярких имен. Среди философов, создавших оригинальные и глубокие философские системы, было немало и таких, которые претендовали на безусловную истину, но такие притязания всякий раз оказывались несбыточными. Мы не ставим себе целью создание единой для всех и всеобъемлющей философской системы — видимо, решение такой проблемы невозможно в принципе. Любая философская система несет в себе индивидуальные особенности черт личности и склада ума ее создателя. И для многих людей выбор определенной философской системы в качестве основы собственного мировоззрения во многом предопределен их индивидуальными особенностями. Учитывая это, предполагаемая философия здравого смысла вряд ли возможна как законченная и замкнутая в себе философская система. Нам представляется, что *философия здравого смысла в перспективе — это научно обоснованная методология критического анализа и совершенствования многообразия существующих и создаваемых познавательных систем, стимулирующая интеграционные процессы в этом постоянно изменяющемся универсуме современных и древних мифов.*

В таком понимании философия здравого смысла во многом смыкается с диалектикой научной интуиции, в которой немалую роль играет критический анализ существующих на данный момент понятийных систем. Но при этом требуется, чтобы многие дестабилизирующие факторы, сопровождающие процесс «озарения», были бы учтены и по возможности элиминированы.

Интеграционные процессы в среде познавательных мифов невозможны без этики. Чтобы перейти от одностороннего, фрагментарного моделирования действительности,

характерного для современной науки и философии, к всесторонней системной оценке, требуется не только интеллект, но и определенное чувство ответственности перед будущим. А это означает переход к этическим категориям. Тем самым становится в общих чертах понятным, как этика ориентирует познание на междисциплинарный синтез.

К сказанному необходимо добавить, что, с точки зрения приведенного выше определения объекта исследования, *содержание данной работы тоже относится к разряду мифов и уже в силу этого может и должно быть объектом критики.*

2. ИСТИНА И МИФ

«Миф есть в словах данная ЧУДЕСНАЯ личностная история».

А. Ф. Лосев

Исключительная сложность и многообразие внутреннего мира человека, на первый взгляд, трудно поддается какой-либо систематизации. «Здесь сочетается несочетаемое, реальное и нереальное, здесь нет объективного пространства и времени, но именно здесь отражаются и подвергаются всесторонней обработке физические, биологические, социальные и теоретические миры. Во внутреннем мире человека дружат и соперничают строгие формулировки математики и прихотливый дух поэзии, четкие дефиниции юридических императивов и иррациональные тревоги перед лицом неизвестности и смерти» [Кувакин, 1998, с. 49]. Чтобы разобраться в этом «причудливом калейдоскопе» В. Кувакин рассматривает различные подходы к опознанию структуры «внутренней вселенной». Итогом его всестороннего комплексного исследования оказывается вывод о том, что если ад и рай существуют, то они обнаруживаются в человеке самим человеком и возделываются им в себе и здесь, в человеческом мире. Основой, на которой современный человек может найти согласие с собой и окружающей средой, является его человечность и вырастающая из нее идея гуманизма.

Но современный гуманизм весьма неоднороден. Под знаменем гуманизма часто выступают не только явно антигуманные точки зрения, которые сравнительно легко распознаются, но и различные заблуждения и иллюзии, от которых современный человек до сих пор не избавился. Современное массированное наступление различных антинаучных и псевдонаучных концепций на разум имеет успех среди просвещенной публики не только потому, что усиленно поддерживается современными СМИ, но и в силу того, что некоторые до сих пор нераспознанные иллюзии и заблуждения содержатся внутри самой науки.

Одной из иллюзий человеческого разума, тесно связанной с рассмотренной ранее иллюзией идеальности, является иллюзия свободы выбора. Речь в данном случае идет не только о тех случаях, когда наша собственная воля подавляется кем-то другим, находящемся на более высокой ступени иерархии власти, или подчиняется «власти толпы». Наши поступки и действия, включая и примитивные случаи подавления нашей воли личностью или общественным мнением, во многом определяются некоторыми установками, которые внедрили в наш динамический стереотип по мере нашего становления как личности. Эти установки в свою очередь тесно связаны с определенными идеями или парадигмами, завладевшими нашим сознанием. Это не значит, что наше поведение полностью «запрограммировано» этими парадигмами, но в тех случаях, когда требуется сделать ответственный выбор, мы подчиняемся не собственной воле, а

определенной парадигме, созданной кем-то другим. На первый взгляд, кажутся более свободными сами создатели парадигм, но нередко случается так, что создатель парадигмы менее критичен по отношению к ней, чем тот, кто эту парадигму осваивает или изучает.

Среди достижений философской мысли XX века можно выделить работы А. Ф. Лосева по теоретическому обоснованию сущности мифа [Лосев, 1994]. Приняв за основу эту точку отсчета, мы приходим к выводу о том, что такие известные нам понятия, как «научная истина» или «философская истина», по сути, являются не всегда согласованной совокупностью мифов. Учитывая это, термин «миф» в данной работе применяется как обобщение терминов «мнение», «теория», «концепция» и «парадигма». Такая трактовка мифа отличается от трактовки мифа по Лосеву в деталях, но в целом не противоречит ей, если рассматривать различные конкретные «мнения», «теории», «концепции», «парадигмы» и «учения» через отношение к ним познающих окружающий мир индивидов. Конкретный миф может быть совершенно неизвестен или неприемлем в одном сообществе, но в то же время являться незыблемой истиной в другой социальной среде. Мифы могут надолго забываться и возрождаться вновь, перемещаться и распространяться по странам и континентам. У каждого мифа своя судьба, и продолжительность жизни мифа, его распространение или забвение порой невозможно рационально объяснить.

Носители и создатели мифа считают главной его характеристикой безусловную истинность, хотя далеко не во всех случаях соответствие истине определяет успех и продолжительность жизни разных мифов. И в наше время даже среди образованных людей живут и распространяются мифы, абсурдность которых видна невооруженным глазом. Что касается продолжительности жизни то мифы можно условно разделить на три типа: устойчивые, предположительно неустойчивые и неустойчивые. Примерами весьма устойчивых мифов являются некоторые широко распространенные в мире религиозные учения (христианство, ислам, буддизм и др.) и Евклидова геометрия. Возможно, что отнесение религиозных учений к категории мифов для некоторых из читателей покажется святотатством, но в данном случае мы позволим себе рассматривать лишь систему, запечатленную в сказаниях евангелистов, пророков и т.д., не затрагивая решение сугубо интимной проблемы о происхождении этих сказаний. Для искренне верующего человека вполне достаточным основанием для объяснения всех неточностей, несовпадений, алогичностей и негативных, с точки зрения веры, исторических оценок, связанных с этими сказаниями, является то, что Всевышний предопределил для человека самому доосмыслить суть и значение Своих заповедей, которые дошли к нам через человеческое восприятие Его избранников и уже поэтому не во всем последовательны и совершенны.

Незыблемость и безусловная истинность Евклидовой геометрии была поколеблена в XIX веке создателями неевклидовых геометрий (Бойяи, Лобачевский, Риман). К предположительно неустойчивым мифам мы условно отнесем общепризнанные в мире науки теории, которые возникли не ранее последней четверти XIX века. Ниже мы рассмотрим некоторые из этих мифов более подробно.

К неустойчивым мифам можно отнести многие мнения, распространяемые в СМИ. В науке к ним, в частности, относятся известные лишь узкому кругу лиц теории-однодневки, которые сейчас появились во множестве в науке и которые порой называются теориями только для того, чтобы повысить статус очередного научного работника. Жизнь таких неустойчивых мифов часто зависит от служебного положения и организаторских способностей их создателей. К таким же мифам можно отнести искусственно создаваемый имидж многих политических деятелей.

Если говорить об истинности того или иного мифа, то оказывается, что этот вопрос далеко не так прост, как это кажется на первый взгляд. Природа «истины» — весьма трудная и тонкая проблема в логике и философии. Споры на тему «Что есть истина?» не утихли и по сей день. Можно ли назвать истинной научную теорию, которая была в свое время общепринятой парадигмой, а сейчас перешла в разряд заблуждений? А где гарантия, что некоторые современные считающиеся истинными научные теории завтра не перейдут в разряд исторических курьезов? Если говорить о естественнонаучных знаниях, то критерием их истинности является *адекватность*, т. е. соответствие этих знаний реальному миру или нашему представлению о нем. Адекватность тесно связана с *логической непротиворечивостью*. Если в модели какого-либо реального объекта предсказывается одно событие, а на практике получается нечто противоположное, то данную ситуацию принято рассматривать как *противоречие*. С точки зрения здравого смысла в таких случаях целесообразно отдать предпочтение практике и усовершенствовать модель. Но часто происходит обратное — многие люди не могут сразу отказаться от привычных моделей и предпочитают не замечать или просто замалчивать подобные несоответствия. Другим критерием истинности знаний, содержащихся в мифах, является *предсказуемость*. Если некто прогнозирует, что наступать на лежащие грабли можно без опасения, то ясно, что такой прогноз вместе с теми предпосылками, на которых он основан, в скором времени перейдет из разряда истинных в разряд ложных или сомнительных.

Предсказуемость многих общественно-политических мифов во многом зависит от того, насколько они «овладели массами». При всеобщем поклонении такому мифу процесс развития общества может достаточно продолжительное время идти по тому сценарию, который в нем заложен. По крайней мере, до тех пор, пока этот миф не будет опровергнут или взорван критиками извне или изнутри.

В строгой науке многие истины также не безусловны. Например, некто обнаружил явление или экспериментально подтверждаемый факт, который противоречит общепринятой теории. Тогда этот факт с точки зрения тех, кто убежден в безусловной истинности теории, считается ложным. А сколько таких «ложных» фактов стало источником новых научных открытий! Если же с такими критериями подойти к обычным житейским истинам, то тут получается еще более запутанная картина. Наверное, единственным спасением здесь могла бы стать логика.

Впрочем в человеческом обществе ситуация такова, что для полного спасения и поддержания мифа одной логики недостаточно. Например, если расценивать только с точки зрения формальной логики законы Спарты, в которой считалось нормальным сбрасывать в ущелье не вполне здоровых младенцев, или идеологию фашизма, то в таком ракурсе эти антигуманные по современным понятиям идеологии вряд ли сильно отличаются от более гуманных идеологий. Содержание таких идеологий зависит не столько от логики, сколько от того, какие ценности положены в их основе. Такие аргументы как право человека на жизнь и свободу не относятся к категории логических истин. Но они, так или иначе, связаны с логикой идеологической системы в зависимости от того, используются ли они в ней в качестве основных положений организации общества или отвергаются. Если, например, в государственных законах предусмотрены определенные права для всех членов общества, а на деле они соблюдаются только для узкого круга людей, то здесь уже налицо логическое несоответствие. Но логические аргументы в человеческом обществе не относятся к разряду сильных аргументов «за» или «против», более популярны политические аргументы и поэтому приведенная выше

алогичная ситуация для большей эффективности преподносится массам как пример коррупции и лицемерия власть предержащих. При этом уже не принято обнаружить то обстоятельство, что данная политическая оценка власти является лишь одной из возможных причин логически противоречивой ситуации.

Понятие «истина» неоднозначно. Можно привести, по крайней мере, четыре наиболее распространенных значения этого термина.

1. *«Бытовая» истина*: соответствие того, что сказано или написано, некоей реальности. На «бытовую» истину можно опираться лишь в относительно простых случаях, но наша жизнь изобилует сложностями, без которых не обойтись. Особенно, когда речь идет о познании.

2. *Философская истина*: соответствие того, что имеется в тексте или в реальности, нашему представлению об этой реальности. А это представление, которое и является критерием истины, формируется у человека не только на основе практического опыта, но и с помощью определенных мифов. Такой (на наш взгляд, более глубокий) аспект истины подробно представлен в феноменологии (например, в «Логических исследованиях» Гуссерля), но не доведен там до совершенства. Об одной и той же реальности (или фикции) может существовать множество несовместимых друг с другом представлений. С этой точки зрения философская истина относительна, но если подходить к ее исследованию с использованием научных критериев оценки знаний (точность, адекватность, проверяемость, предсказуемость и т.д.), то появляется возможность в будущем избавиться от сильного загрязнения нашей интеллектуальной атмосферы. При научном подходе к философской истине усиливается ее связь с «бытовой» истиной — интеллектуальная атмосфера очищается от мифов, которые преподносят в качестве реальности фикцию или чрезмерно искажают реальность. Но полное согласие между философской и «бытовой» истиной в настоящее время отсутствует. И вряд ли когда-нибудь оно будет полностью достигнуто, потому что этому согласию объективно препятствуют, по крайней мере, две реальности: (1) рассмотренная ранее физиологически обусловленная иллюзия идеальности и (2) необходимое существование между реальностью и представлением такой промежуточной инстанции, как миф, который сам по себе не является реальностью, а лишь отображает ее с помощью языка.

3. *Логическая истина*. В современной логике часто используются и исследуются математические формальные системы, в которых объекты могут иметь несколько возможных состояний. Если рассматриваются системы, в которых каждый объект имеет два состояния, то одному из этих состояний присваивается значение «истина», другому — «ложь». Если формальная система содержит объекты, имеющие более двух состояний (при этом требуется, чтобы все объекты имели одно и то же число состояний), то такую систему относят уже к *многозначной* логике. Здесь уже предполагается, что между крайними состояниями «истина» и «ложь» имеются некоторые промежуточные состояния. Разработаны даже *бесконечнозначные* логики. С помощью таких систем пытаются моделировать некоторые тексты или реальные ситуации, при этом часто получается так, что присвоение значений *истинности* тем или иным объектам или ситуациям осуществляется произвольно или надуманно. Кроме того, допустимы формально-логические модели объектов, которые к философской или «бытовой» истине никакого отношения не имеют. Существует еще один подход к определению логической истины, он представлен в основном в работах, тяготеющих по идейным основам к аналитической философии. Здесь под логической истиной в первом приближении понимается соответствие исследуемого объекта (текста или реальной ситуации) некоторому

формальному языку, который считается пригодным «на все случаи жизни» или для какого-то «возможного мира».

4. *Математическая истина.* Считается, что математика оперирует абстрактными (мысленными) объектами, которые вне сознания не существуют. Тем не менее, «непостижимая эффективность» математики при познании и прогнозировании реальности мало у кого вызывает сомнение. Без математических соотношений невозможно было бы современное развитие техники и технологий и современное представление о действительности. Корректно сформулированные математические истины в отличие от других безусловны. Можно усомниться в том, что некоторая реальная физическая система полностью соответствует математическим соотношениям Ньютоновской механики. Допустимы даже сомнения в незыблемости закона сохранения энергии (хотя нам кажется, что вряд ли эти сомнения когда-либо подтвердятся), но просто смешно усомниться, например, в том, что 12 — четное число или что сумма углов треугольника в Евклидовой геометрии равна в точности сумме двух прямых углов. Данные истины не вызывают сомнений не потому, что это соответствует реальности, а в силу определений числа, отношения «меньше» и т.д. и в силу дедуктивного построения математических теорий. Другое дело, что в современной математике под влиянием идей аналитической философии произошел весьма ощутимый перекося в сторону «чистого» формализма. Прикладная часть математики не только отошла на задний план, но даже стала осуждаться некоторыми ведущими «чистыми» математиками. Негативные последствия такого формалистского уклона сказались отрицательно в первую очередь на качестве математического образования. Об этой негативной стороне математики более подробно будет сказано далее в разделе «Логика мифа и мифы в логике».

В истории цивилизации многие мифы распространялись и распространяются в массах с помощью методов и приемов, которые к логике и теории познания никакого отношения не имеют. Эти деструктивные приемы формировались на протяжении тысячелетий и до сих пор весьма часто используются в полемике, т.е. в борьбе за утверждение тех или иных мифов. И вместе с этим в человеческом обществе формировались конструктивные методы обоснования и познания.

Можно предположить, что цивилизация началась в тот момент, когда человек начал понимать, что сила и оружие или угроза силой и оружием не являются безальтернативными аргументами в многочисленных спорах. Это обстоятельство явилось мощным стимулом развития человеческого языка, который начал в дальнейшем использоваться не только как орудие разрешения споров и разногласий, но и как орудие познания окружающего мира. Немалую роль в этом историческом процессе сыграли многочисленные религиозные, политические, философские и научные мифы.

Сила мифа основана на вере в него. Чтобы заставить человека поверить данному мифу, одних силовых аргументов недостаточно — необходимы словесные аргументы, которые содержатся в самом мифе или сопровождают его. Люди долго и мучительно искали способы правильной аргументации с помощью языка. Эти поиски отражены в многовековой истории логики, и в этой области знаний было сделано немало эпохальных открытий. Но в современной логике до сих пор остается немало нерешенных проблем и даже сейчас, когда в принятии решений в спорных вопросах активное участие принимают современные компьютеры, говорить о том, что все основные проблемы логики решены, пока что рано.

Способы словесной аргументации можно разделить на два больших класса: аргументация с помощью *обоснования* и аргументация с помощью *убеждения*. В

обосновании, в основном, используются логические методы, в то время как в убеждении преобладают словесные или психологические методы воздействия на глубинную психику. Эти методы аргументации можно условно назвать психолингвистическими в отличие от логических или, если быть более точным, логико-лингвистических. Многие методы психолингвистической аргументации можно найти в риторике.

Между этими классами аргументации весьма непросто установить четкую границу — часто они тесно переплетаются в одном и том же тексте или в одном и том же выступлении. Нередко строго логически обоснованные аргументы доводятся до широкой аудитории с использованием средств риторики, т.е. с помощью метафор, иносказаний, образных сравнений, афоризмов, острот и т.д. К тому же все мы не без греха: отстаивая свою точку зрения, мы никогда не отказываемся от возможности усилить убедительность ее изложения риторическими приемами. И к тому же не всегда способны различить логические и риторические приемы аргументации.

Создание обоснованной аргументации требует определенной логической культуры. Существует немало людей, у которых эта культура «заложена в генах», так же как, например, талант шахматиста или поэтический дар. Та же культура требуется для того, чтобы правильно воспринять такую аргументацию. Но логической культуре можно научиться, как можно научиться играть в шахматы или сочинять стихи. Не всем, разумеется, дано стать на этих поприщах корифеями, но каждый здравомыслящий человек может научиться хотя бы отличать порождение массовой культуры от произведения искусства или демагогическую тираду от обоснованной аргументации.

С точки зрения популяризации логическая аргументация проигрывает по всем статьям: для того чтобы ею овладеть в совершенстве, требуются и огромный умственный труд, и целеустремленность, а непритязательная публика, как правило, не воспринимает обоснованных аргументов — ей подавай чего-нибудь попроще. К тому же властные структуры всех уровней, как правило, предпочитают по понятным причинам поддерживать демагогов, а не мыслителей.

В истории цивилизации идет постоянная борьба между логикой и софистикой, между философией и схоластикой, между мыслителями и демагогами. Эта борьба не заметна для многих, но она идет постоянно и с переменным успехом. Успеху психолингвистических методов во многом способствует то, что они заимствуют многие свои методы и приемы у художественной литературы, поэзии и публицистики. Но было бы грубой ошибкой обвинять в этих успехах писателей и поэтов — у литераторов и у профессиональных демагогов или просто провокаторов совершенно разные цели и задачи.

Психолингвистическая аргументация постоянно совершенствует свой арсенал, используя новые научные достижения. Одним из таких новых научных направлений, расширяющим и усиливающим методы психолингвистической аргументации, стало появившееся в 70-х годах научное направление под названием нейро-лингвистическое программирование (НЛП). Его основоположниками стали Джон Гриндер — профессор лингвистики Калифорнийского университета (в то время он был ассистентом кафедры лингвистики университета Санта-Круз) и Ричард Бендлер, в то время бывший студентом психологического факультета. Затем к этому направлению подключились видные специалисты наук о человеке: антропологи, этнографы, психотерапевты, философы.

НЛП иногда декларируется как «наука, изучающая структуру того, как люди думают и воспринимают мир». На самом же деле НЛП — это набор методических рекомендаций, предназначенных для того, чтобы научиться внушать доверие, быстро «считывать»

состояние собеседника, управлять людьми, концентрировать внимание на достижении собственных целей. Примечательно, что началом НЛП послужила совместная работа Д. Гриндера и Р. Бендлера, которые пытались «с моделировать» врачебную деятельность трех известных психотерапевтов (Ф. Перлза, В. Сатир и М. Эриксона). В этом научном направлении используются некоторые достижения психологии, лингвистики и психотерапии. Однако в условиях рыночной экономики и жесткой конкуренции для многих специалистов НЛП более предпочтительной оказалась тема, в которой изучаются психолингвистические приемы манипулирования индивидуальным или групповым сознанием. В России НЛП сейчас более известно не как научное направление, а как своеобразная платная школа для бизнесменов, имиджмейкеров, специалистов по рекламе и т.д. На русском языке изданы 4 книги Р. Бендлера и Д. Гриндера. Две из них имеют весьма привлекательные названия: «Структура магии» и «Из лягушек в принцы». В НЛП с целью манипулирования сознанием используются ассоциативные связи слов, во многом основанные на метафорах. В то же время логические методы анализа в НЛП представлены весьма скудно. Поэтому можно с уверенностью сказать, что методы НЛП используются для убеждения, но отнюдь не для обоснования концепций. В качестве иллюстрации рассмотрим одну из рекомендаций НЛП [Адлер, 2001]: «Добившись необходимого контакта путем умелого подстраивания к вашему собеседнику (как с помощью слов, так и с помощью зеркального отражения его мимики, жестов, позы) вы можете постепенно начать приводить его в нужное вам состояние. Вам следует постепенно замедлять темп речи и смягчать жесты до тех пор, пока ваш собеседник не начнет делать то же самое...»

Многие методы и приемы манипуляции сознанием, представленные в НЛП, по сути, являются обобщением и более четкой формулировкой многих методов, которые интуитивно формировались на протяжении всей человеческой истории среди многочисленных мифотворцев и мифоносителей. Создатели НЛП сумели не только обобщить какую-то часть этого опыта, но и представить его в как науку манипуляции общественным сознанием, которой при желании может овладеть каждый. Естественно, за эту науку ухватились в первую очередь те, у кого нет достаточно обоснованных аргументов для защиты своих мифов. Поэтому ничего нет удивительного в том, что в XXI столетии бурный научно-технический прогресс мирно сосуществует с псевдонаучными теориями и религиозным фанатизмом.

Рассмотрим какую-либо, созданную на добровольной основе, группу индивидуумов (например, члены родительского комитета, Ассоциации Парапсихологии, участники научного симпозиума и т. д.). Что же для каждой из них является групповым сознанием? На первый взгляд, каждая такая группа — это совокупность людей с несовпадающими во многом мнениями и концепциями. А что же их объединяет в таком случае? Конечно же, искусно созданный миф (или идеология), построение которого должно реализовываться как рассуждение, в котором аксиомами являются бесспорные для данной группы суждения.

В содержании многих мифов часто заложены аксиомы, которые трудно обосновать с помощью какой-либо, даже неклассической, логики. Например, в основе многих современных мифов явно или неявно содержится аксиома «Если будете безусловно верить мифотворцу (или мифоносителю), то станете умнее (счастливее, здоровее, сильнее и т.д.)». Причем во многих случаях логические основания для такой «аксиомы» весьма сомнительные. Но даже в этих случаях подобные мифы имеют успех в определенных группах индивидуумов, в основном у людей с раздробленным сознанием,

подготовленным для внедрения какого-либо авторитарного мифа. Механизм такого внедрения во многом напоминает механизм гипноза: вначале с помощью пассов или словесных внушений гипнотизера дробится сознание индивидуума (или группы индивидуумов), после чего отдается подчиняющийся воле гипнотизера словесный приказ, который в сознании гипнотизируемых преобразуется в скрытую установку или доминанту, и человек, не осознавая этого, становится «зомби». Гипнотизеры или «гуру» часто, как и политики, действуют по принципу «разделяй и властвуй». Только этот принцип реализуется здесь в ином измерении. Поэтому нет ничего удивительного, что многие мифы проникают в наше сознание без соответствующего критического анализа и владеют нами под влиянием чисто психологических факторов, мешая адекватному восприятию других, даже более обоснованных, мифов.

В заключение этого раздела имеет смысл более подробно рассмотреть взятое в качестве эпиграфа к нему определение мифа, сформулированное А. Ф. Лосевым, которое в отрыве от основного текста кажется не совсем понятным. Работы А. Ф. Лосева по диалектике мифа в основном направлены на обоснование связи мифа с *чудом*. Так в чем же заключаются *чудесные* свойства мифа? *Чудо* начинается тогда, когда миф в каком-либо личностном восприятии становится *верой*. Вера помогает человеку исцелиться в безнадежных случаях, совершить деяния, необъяснимые с точки зрения голого рассудка. Но у каждой медали есть своя обратная сторона. Вера делает человека слепым в тех случаях, когда перед его глазами или разумом возникает нечто, противоречащее основным положениям мифа, завладевшего его сознанием. И преодолеть эту слепоту часто не в состоянии ни бесспорные факты, ни безупречные доводы.

Поэтому, если мы хотим, чтобы число людей, «зомбированных» деструктивными мифами, не увеличивалось, мы должны поставить заслон таким мифам в первую очередь в сфере образования и просвещения. Причем речь в данном случае идет не о запретах (хотя порой и без них невозможно обойтись, например, в отношении тоталитарных сект или террористических организаций), а в первую очередь о формировании у учащихся навыков критического анализа любого мифа. Тогда и власть мифов, у носителей которых психологические методы убеждения используются лишь для того, чтобы скрыть весьма убогие методы обоснования, окажется подорванной.

3. ЛОГИКА МИФА И МИФЫ В ЛОГИКЕ

3.1. Что такое логика мифа?

Начнем с того, что рассмотрим один из возможных ответов на этот вопрос, который содержится в книге В.А. Светлова «Практическая логика» [Светлов, 1995]. Ответ дан в главе, которая называется «Логика мифов и сказок». Речь в ней, конечно, идет о мифах в традиционном понимании, т.е. о маловероятных историях, в реальность которых могли лишь безусловно верить наши далекие предки или продолжают верить наши современники, которых по тем или иным причинам обошло стороной или еще не коснулось современное образование. В книге «Практическая логика» логика мифа сводится в основном к построению единой алгебраической формулы, которая пригодна для многих подобных мифов. Вкратце суть заключается в следующем.

В.А. Светлов берет в качестве отправной точки результаты исследований его предшественников по изучению структуры мифов и волшебных сказок. Наиболее известными в этом направлении являются работы В. Я. Проппа [Пропп, 1969] и К. Леви-Стросса [Леви-Стросс, 1983]. В разнообразных по сюжету мифах и сказках они выделяли

общие структурные элементы. В частности, одним из таких общих элементов является ущерб, наносимый герою в начале каждого сюжета. Далее герой, героиня или группа героев мифа противостоят силам зла, и, в конце концов, справедливость торжествует — герои полностью или частично восстанавливают причиненный ущерб. Эту сюжетную линию К. Леви-Стросс отобразил с помощью формулы, в которой выражается приблизительное равенство начальной и конечной ситуации. Предполагается, что эта формула является математическим отображением структуры мифа.

В книге В.А. Светлова предлагается уточнение формулы К. Леви-Стросса для отображения логической структуры мифа. Одно из главных усовершенствований заключается в том, что в формуле вместо функций используется бинарное отношение $R(A, B)$ между субъектами мифа A и B . Окончательно формула имеет следующий вид:

$$R(A, B) : R^{-1}(B, A) \leq R(B, A) : R^2(A, A)$$

Не вдаваясь в математические тонкости этой формулы, приведем лишь ее интерпретацию — этого вполне достаточно, чтобы в общих чертах понять, что подразумевается под логикой мифа. Формула состоит из двух частей, соединенных знаком «меньше или равно». Правая ее часть характеризует начальную ситуацию сказки или мифа, т.е. «возникновение и развитие диалектического противоречия между субъектами A и B ». Вторая часть формулы характеризует конечную ситуацию, т.е. «разрешение диалектического противоречия». Далее цитируем по книге: «Вся формула читается следующим образом. Если A своими действиями нарушает равновесие, то B своими обратными действиями восстанавливает равновесие. При этом результат разрешения диалектического противоречия может быть двоякого рода. Во-первых, отношение $R^2(A, A)$ может означать, что A наносит самому себе какой-либо (физический, моральный) ущерб. Во-вторых, это же отношение может означать, что действия A оказались успешными и принесли ему какой-то вид выгоды. Какой из данных результатов имеет место — зависит от содержания сказки или мифа» [Светлов, 1995].

Универсальный характер данной формулы показан на многочисленных примерах, среди которых и сказки А.С. Пушкина, и древнегреческие мифы. Например, применительно к «Сказке о попе и о работнике его Балде» формула читается так: «ущерб, причиненный Балде хитростью попа, меньше или равен ущербу, причиненному попу хитростью Балды».

Все же напрашивается вопрос: «Что отражает данная формула — логику мифа или его содержание?» Думается, что, скорее, второе, чем первое. К сожалению, логика познавательных мифов далеко не исчерпывается единственной, пусть даже в чем-то и правильной, формулой. Логический анализ мифа начинается тогда, когда возникает необходимость ответить хотя бы на один из следующих вопросов: «Подтверждается ли данный миф на практике?», «Позволяет ли он предсказывать будущие события?», «Соответствует ли он тому мифу, который я считаю правильным?», «Является ли данный миф в достаточной степени обоснованным?». При этом мы должны учитывать, что каждый миф — это текст, состоящий из слов и предложений, т.е. текст, выраженный на естественном языке.

Если текст является просто пересказом выдуманных или действительных событий или явлений, то здесь логический анализ может заключаться лишь в проверке соответствия данного пересказа с самим явлением, или событием, или с другими описаниями, претендующими на достоверность. Здесь уже используются и играют основную роль такие логические понятия, как «истина» и «ложь».

Однако сравнение мифа с действительностью — это, безусловно, важный, но всего

лишь первый элементарный уровень логики, относящийся к проверке «бытовой» истины. Чтобы перейти к более высокому уровню, необходимо учитывать, что наивные на первых порах мифы со временем начинают трансформироваться и наполняться обобщениями, полученными в результате многочисленных «озарений», приходивших в сознание многих в большинстве своем оставшихся безвестными людей. Эти обобщения множатся, проходят стадию проверки и отбора, и в какой-то момент времени возникает проблема выделить среди этих обобщений главные и основополагающие так, чтобы другие обобщения можно было бы выводить из них как следствия или как частные случаи. Так постепенно в математике, а затем и в логике начинают появляться, а затем играть ключевую роль методы формирования и анализа рассуждений, обоснований и доказательств.

Если обратиться к дошедшим до нас древним мифам, то в них мы увидим лишь пересказ некоторых действительных или выдуманных событий, но рассуждений в современном понимании там нет. Рассмотрим некоторые отрывки из известных эпосов, лишь в чем-то напоминающие рассуждения.

Эпос о Гильгамеше:

...Если паду я — оставлю имя «Гильгамеш принял бой со свирепым Хумбабой!»...

...Эллиль к этой жертве пусть не подходит,

Ибо он, не размыслив, потоп устроил

И моих человек обреч истребленью!»...

Гомер «Одиссея»:

...Если б увидели, что на Итаку он снова вернулся,

Все пожелали бы лучше иметь попроторнее ноги...

...Средства свои проедайте на них, чередуясь домами.

Если ж находите вы, что для вас и приятней и лучше

У одного человека богатство губить безвозмездно, —

Жрите!...

...Обратился к бессмертным Кронид со словами:

“Странно, как люди охотно во всем обвиняют бессмертных!

Зло происходит от нас, утверждают они, но не сами ль

Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?”

С точки зрения современной логики (но, разумеется, не искусствоведения) примеры явно не интересные. Более сложные рассуждения встречаются и постепенно начинают приобретать современный вид в более поздних философских и математических трактатах. Например, в диалогах Платона немало места уделяется анализу понятий, таких как «благо», «сущее», «единичное и множественное» и т.д. В более ранних философских произведениях рассуждение в основном состоит из утверждений и пророчеств и лишь в некоторых случаях приводятся доводы, основанные на туманных аналогиях. Настоящая аргументация начинает появляться в трудах Парменида и Зенона; в трудах Парменида впервые встречается формулировка закона исключенного третьего, а в рассуждениях Зенона Элейского используется прием приведения к абсурду.

Если рассматривать мифы как литературные произведения, то для их восприятия, казалось бы, нет особой нужды в логическом анализе. Тем не менее, логика сама по себе незримо присутствует в них. Причем не только для того, чтобы обосновать точку зрения героя или автора произведения, но и нередко для усиления выразительности текста за счет намеренного использования пропусков в рассуждении, которые читатель при желании может восстановить путем логического анализа. В логике такой прием называется

энтимемой (умозаключение с пропущенной посылкой).

Энтимема встречается весьма часто и в житейских диалогах, и в литературных произведениях. Многочисленные примеры и анализ этого явления содержатся в книге [Кривоносов, 1996]. Например, в литературном произведении, содержащем 400 страниц (роман Г. Манна «Верноподданный»), А.Т. Кривоносовым выявлено 1943 умозаключения, из них 1938 в форме энтимем. Мы порой даже не замечаем, что такие языковые конструкции, как «Он говорил зычно, так как был туговат на ухо», «Петров — снайпер, так как он обладает твердой рукой и острым зрением», по сути, являются энтимемами (в первом предложении пропущена посылка «Все туговатые на ухо говорят зычно», а во втором — «Все обладающие твердой рукой и острым зрением — снайперы»). Во втором предложении, если действовать по правилам логики, то восстанавливается ложная посылка (в жизни отнюдь не все, обладающие твердой рукой и острым зрением, являются снайперами), но при поверхностном восприятии или при искаженном представлении о логике эта ошибка не замечается. Искусные ораторы нередко пользуются энтимемами для того, чтобы косвенным путем внедрить в сознание публики неявно сформулированные сомнительные или ложные послышки. А. Пуанкаре называл такие неявные послышки «скрытыми аксиомами».

Но многие мифы не нуждаются в логике. Мы можем осознавать, что данный миф — всего лишь выдумка, и, тем не менее, наслаждаемся этой выдумкой, как мы наслаждаемся литературным произведением, осознавая при этом, что содержание этого произведения лишь в незначительной степени отражает действительность. Но если миф преподносится как познавательный, то тут без логики невозможно обойтись. При восприятии мифа, который декларируется как познавательный, логика используется для решения двух основных вопросов: 1) насколько данный миф соответствует действительности и 2) насколько корректно он обоснован.

С точки зрения здравого смысла в этом и заключается основное назначение логики. Но часто сама логика самими же профессионалами определяется и строится так, что это ее основное назначение остается как бы вне поля зрения. Природа и суть самой логики до сих пор остаются неясными.

3.2. О природе логики

В настоящее время наиболее распространенными являются два определения логики, которые характеризуют ее с разных сторон:

1) логика — это совокупность методов и правил, которым подчиняется процесс мышления в процессе познания окружающего мира;

2) логика — это некоторая совокупность искусственных языков, с помощью которых моделируются рассуждения, обоснования и доказательства.

Первое определение слишком широкое. Например, для того, чтобы придумать сюжет мифа или даже просто пересказать его своими словами, тоже нужны какие-то навыки мышления, которые к логике имеют весьма отдаленное отношение. В первом определении логики иногда употребляют не просто «мышление», а «правильное мышление», но среди современных логиков такой подход к определению логики не получил всеобщего признания. Мол, мышление есть мышление, а правильное оно или неправильное, то это уже не самое важное для логики. Сейчас не считается чем-то из ряда вон выходящим предложить новую логику, в которой в качестве аксиом используются абсурдные утверждения. Например, в интерпретациях некоторых типов многозначных

логик для промежуточных значений истинности предлагаются такие интерпретации, как «не истинно и не ложно» и «ложно и истинно одновременно», которые для человека, не увлеченного формальными построениями в неклассических логиках, воспринимаются как абсурд. К тому же сама проблема интерпретации неклассических логик в настоящее время не вышла из стадии обсуждения.

Что касается второго определения, то здесь вопрос о правильности естественных рассуждений актуален лишь для сравнительно небольшого класса современных логик (к ним относятся Аристотелева силлогистика и математическая логика). Когда же речь идет о многочисленном семействе неклассических логик, то в них вопрос о правильности естественных рассуждений даже не возникает. Здесь в основном изобретаются новые искусственные языки и исследуются соотношения между ними. Причем многочисленные выкладки с абстрактными символами в большинстве своем даже не сопровождаются примерами естественных рассуждений. А в тех немногочисленных случаях, когда встречаются примеры на естественном языке, то нередко они воспринимаются как предложения с неоднозначным смыслом.

Интересна мотивировка, которая используется для обоснования необходимости исследования по неклассическим логикам. Один из основоположников современной неклассической логики, профессор Казанского университета Н.А. Васильев в статье «Воображаемая (неаристотелева) логика», впервые опубликованной в 1912 году, писал, что новая предлагаемая им логика находится в контрадикции к Аристотелевой логике. Обе эти логики «не могут быть истинны для одного и того же мира; если Аристотелева логика истинна для нашего мира, то неаристотелева логика может быть истинна только в каком-нибудь другом мире». [Васильев, 1989]. По Н.А. Васильеву получается, что если сформулировать логику некоего воображаемого мира, то можно точно определить и свойства этого мира.

Идеи Н.А. Васильева спустя некоторое время были подхвачены логиками в разных странах. Не обошли эти идеи и нашу страну. Одним из создателей отечественной школы неклассической логики был В.А. Смирнов, всемирно известный логик, многие исследования которого связаны также и с классической логикой. Его мотивировка о необходимости существования разных несовместимых друг с другом логик уже звучит по-другому, более современно:

«Сколь-нибудь значительные открытия в науке, составляющие целую эпоху, как раз и заключаются в принятии нового языка. Происходит смена моделей мира, схем, внутри которых совершается описание мира, переход из одной схемы, в которой описываются факты, к другой, более целесообразной для тех или иных целей, более адекватной. Можно сказать, что переход от одной модели мира к другой, от одного способа описания к другому коррелятивен принятию нового языка» [Смирнов, 1987, с. 129].

С этим трудно не согласиться — с изменением картины мира в сознании человека меняется и язык. Но меняется ли при этом и логика? В.А. Смирнов так же, как и многие другие сторонники неклассического направления в логике дает, хотя и косвенно, положительный ответ на этот вопрос.

«Вопрос о соотношении грамматики естественного языка с моделями мира очень сложен. Более простое соотношение между грамматикой и онтологией существует в искусственных языках. В языках логики исходят из той мысли, что имеется однозначное

соотношение между языковой структурой и определенными способами мышления. Искусственные языки специально строятся таким образом, чтобы имелось однозначное соответствие между логической формой и грамматической» [Смирнов, 1987, с. 130].

Получается, что выбор искусственных языков в качестве средства для представления "моделей мира" более предпочтителен, так как в искусственных языках имеется однозначное соответствие между грамматикой и логикой, а в естественном языке такого соответствия не наблюдается. Если в этом и заключается преимущество искусственных языков по сравнению с естественным, то возникает вопрос: насколько эффективно оно используется в настоящее время?

Действительно, логический анализ моделей мира, выраженных на естественном языке, отнюдь не сводится к грамматическому анализу. Нет сомнения в том, что между логической структурой естественного языка и его грамматикой и синтаксисом существуют определенные соотношения, но полного соответствия нет. К тому же необходимо учесть еще одно весьма важное обстоятельство. Если новая модель мира сменяет старую, то в этом случае неизбежно изменение языка. Но это изменение выражается не в смене грамматики и синтаксиса (и тем более логики), а в смене терминологии (появляются новые термины, меняются смысловые соотношения между старыми терминами, что приводит к появлению новых понятий даже в том случае, когда обозначение этих понятий не изменяется). Т.е. меняется при этом не логика и грамматика, а содержание «моделей мира». Грамматическая и тем более логическая структуры естественного языка более устойчивы по сравнению с содержанием «моделей мира», и в этом есть «своя логика» — в противном случае мы не имели бы возможности сопоставлять различные «модели мира» (то бишь — мифы) и выбирать наиболее приемлемые для нас с определенной (научной или какой-либо другой) точки зрения. Как только мы для каждой «модели мира» предложим свою грамматику и уж тем более логику, то для нас это уже будут не «модели мира», а сами независимые друг от друга миры, в которые мы будем попадать по прихоти случайности, но отнюдь не в соответствии со здравым смыслом.

Внутри самой математики и логики существуют задачи, которые можно сформулировать на разных математических языках. Одним из ярких примеров такого рода является *задача выполнимости*. Основная ее формулировка является сугубо логической: имеется произвольная логическая формула и необходимо определить, является или не является эта формула тождественно ложной (т.е. ложной при любых значениях логических переменных). Известно немало алгоритмов точного решения этой задачи, но для многих частных случаев, даже когда число переменных задачи не превышает 100, они требуют такого количества вычислительных операций, которые на современных вычислительных машинах могут быть реализованы за время, исчисляемое десятилетиями. Известно немало частных случаев этой задачи, которые решаются весьма быстро даже при большом числе переменных, но до сих пор неизвестно, существует ли общий алгоритм решения этой задачи, позволяющий существенно сократить время ее решения для всех возможных вариантов.

Эта задача вызвала огромный интерес у математиков всего мира, на ее основе родилась математическая теория сложности вычислений. Поиск быстрого универсального алгоритма решения этой задачи сопровождался заодно поиском формулировок этой задачи не только на языке самой математической логики, но на языках многих других

областей дискретной математики. Оказалось, что многие практически значимые задачи теории графов, алгебры множеств, теории автоматов, теории автоматического управления и т.д. могут быть с помощью определенных преобразований сведены к задаче выполнимости. В настоящее время известно порядка нескольких тысяч различных формулировок этой задачи на разных математических языках [Гэри и Джонсон, 1982]. Но ни один из этих языков не характеризуется какой-то принципиально новой логикой.

Идея о том, что логика — это некий искусственный язык, зародилась и начала бурно развиваться на рубеже XIX и XX столетий в рамках аналитической философии. Эту идею подхватили многие известные математики. Исследования в этом направлении велись не только с целью развития самой логики, но и с целью обоснования всей математики. В таком подходе к формализации логики нет ничего предосудительного — каждая наука характеризуется своим особенным языком. Но в рамках этого направления многих привлекла перспектива построить логику так, чтобы логические законы полностью соответствовали правилам грамматики этого создаваемого идеального языка. Все, что не соответствовало этому идеалу, отвергалось с порога. Чтобы понять, что именно при таком подходе было потеряно, необходимо хотя бы кратко ознакомиться с двумя разными подходами к построению математических систем.

Если взглянуть на историю математизации логики, то можно проследить несколько путей ее развития. Один из путей, сейчас основательно забытый, заключался в том, чтобы математический аппарат логики представить в виде *алгебраической системы*, чем-то напоминающей элементарную арифметику. Чтобы несведущим было ясно, поясним, чем отличается алгебраическая система от системы, на которой основана и современная математическая логика, и многочисленные неклассические логики, и которая носит название *исчисления*.

В алгебраической системе [Мальцев, 1970] имеется некоторое множество объектов. Такими объектами могут быть числа, отрезки, классы, множества, последовательности, вектора, цепочки символов и т.д. Совокупность всех однородных объектов называется *носителем* алгебраической системы. С элементами носителя можно осуществлять определенные операции. Например, в элементарной арифметике такими операциями являются сложение, вычитание, умножение, деление чисел. Кроме того, в алгебраической системе определены некоторые отношения. В арифметике такими отношениями являются «равно», «больше», «меньше», «больше или равно», «делится без остатка» и т.д. В соответствии с этим алгебраическая система определяется как триада: {носитель, множество операций и множество отношений}. Для создания определенной алгебраической системы нужно выбрать соответствующий носитель, установить на этом носителе соответствующую ему совокупность операций и отношений и исследовать свойства полученной системы. При этом успех такого построения во многом зависит от знания того, для каких целей предназначена эта система и какие практические задачи она позволяет решить. Многие широко известные алгебраические системы (арифметика, алгебра множеств, булева алгебра, теория групп и др.) формировались в течение многих десятилетий и даже столетий, пока не приобрели современный, достаточно простой для изучения и использования облик.

В *исчислении* все по-другому. Там сначала выбирается определенный алфавит, в котором имеется несколько типов символов. Например, одни символы используются для обозначения переменных, другие — для обозначения функций, третьи — для обозначения

соединительных связок и т.д. Кроме того, имеются символы для обозначения отношений. В математической логике может использоваться отношение равенства и отношение выводимости (оно похоже на отношение следования, но в некоторых аспектах от него отличается). Операции в исчислениях не предусматриваются. Хотя в некоторых случаях они вводятся некоторыми смельчаками, но это уже считается отступлением от канонов. Из совокупностей символов можно построить предложения. При этом уже необходимо предусмотреть определенные грамматические правила, с помощью которых можно отличить правильные предложения от неправильных. В формальных системах грамматика отождествляется с синтаксисом. В такой системе можно работать только с *синтаксически правильными предложениями*.

Но это еще не все. В системе, построенной как исчисление, должны быть предусмотрены определенные синтаксически правильные предложения, имеющие статус *аксиом*, а также правила преобразования правильных предложений. Чаще всего такие правила интерпретируются как *правила логического вывода*.

Некоторые особенности такого чисто формального исчисления можно найти в математическом анализе, например в дифференциальном и интегральном исчислениях. Здесь производная или интеграл исходной аналитической функции «исчисляются» с помощью последовательности определенных преобразований. Но современный математический анализ не является исчислением в чистом виде, в нем используются и свойства алгебраических систем, и свойства исчислений. И именно такие комбинированные системы как раз и составляют основное ядро той математики, которая и характеризуется своей «непостижимой эффективностью».

В то же время современная математическая логика построена по строгим канонам чистого исчисления, причем специалисты делают все возможное и невозможное для того, чтобы в математической логике ничего не осталось от алгебраической системы. Например, в основе математической логики лежит алгебраическая система — булева алгебра, в которой имеются такие операции, как отрицание, дизъюнкция (логическое «ИЛИ»), конъюнкция (логическое «И») и т.д. В математической логике эти операции превратились в своеобразные логические связки, что позволило по строгим канонам исчислений изложить булеву алгебру как один из разделов математической логики, который теперь уже называется не булева алгебра, а *исчисление высказываний*. Была осуществлена колоссальная работа для того, чтобы формулировки аксиом исчисления высказываний перестали иметь содержательный смысл, но в то же время из них можно было вывести основные законы булевой алгебры. Эта работа сейчас для многих остается за кадром: в учебниках и курсах по математической логике этот набор аксиом принято преподносить почти без каких-либо комментариев и разъяснений. Между тем не «чистое» исчисление высказываний, а именно булева алгебра в настоящее время является своеобразной рабочей лошадкой: с ее помощью как раз и работают современные компьютеры, а многие практически значимые алгоритмы в системах разрабатываются на ее основе. И, кстати, сами аксиомы математической логики могут быть доказаны с помощью теории моделей, в основе которой лежит булева алгебра [Клини, 1973].

Между тем сама булева алгебра является упрощенным вариантом более общей алгебраической системы, которая носит название алгебры множеств. В алгебре множеств носителем системы являются множества (или классы), для которых определены основные операции (дополнение, пересечение и объединение множеств) и отношения (равенство,

включение). Эти понятия алгебры множеств во многом соответствуют семантике естественного языка. В частности, если рассматривать структуру простого предложения на естественном языке (подлежащее + сказуемое с управляемыми дополнениями и обстоятельствами), то нетрудно увидеть связь этой структуры с отношением включения алгебры множеств. Например, рассмотрим два предложения: «Петров родился в Санкт-Петербурге» и «Читатель любит пламенные описания, хитрую завязку, наказанный порок, торжествующую любовь — словом, сильные впечатления» (В.А. Соллогуб). Подлежащее в этих предложениях можно представить как множество, состоящее из одного (Петров) или многих элементов (под «читателем» во втором предложении подразумевается множество всех читателей). Сказуемое с управляемыми дополнениями и обстоятельствами тоже можно представить как характеристику некоторого множества (все, кто «родился в Санкт-Петербурге»; все, кто «любит пламенные описания <... >, словом, сильные впечатления»). Нетрудно видеть, что в этих и во многих других повествовательных предложениях естественного языка между группой подлежащего и группой сказуемого существует отношение, которое по свойствам соответствует отношению включения алгебры множеств.

Если теперь перейти к математическим свойствам отношения включения множеств, то в этих свойствах можно найти такие, которые являются определяющими свойствами логического вывода. Одно из основных свойств — это свойство *транзитивности* (из двух суждений « A включено в B » и « B включено в C », следует суждение « A включено в C »). Как оказалось, на этом и некоторых других математических свойствах отношения включения основана и Аристотелева силлогистика, и современные системы логического вывода, разработанные в рамках математической логики. Одним из примеров использования свойств отношения включения для построения системы логического вывода является система анализа рассуждений в рамках полисиллогистики [Кулик, 2001]. Использование свойств этой алгебраической системы позволило не только сравнительно легко решать традиционные задачи силлогистики (вывод следствий из произвольного множества посылок), но и задачи, которые в рамках полисиллогистики не решаются вообще, а в рамках более общей системы (математической логики) решаются с большими трудностями. К этим труднорешаемым задачам относятся такие, как 1) анализ логической совместимости исходных посылок; 2) методы построения корректных гипотез; 3) методы восстановления пропущенных посылок в рассуждении (абдукция).

Следует отметить, что логическая система, изложенная в [Кулик, 2001], хотя и погружает в себя Аристотелеву силлогистику и систему логического вывода Льюиса Кэрролла [Кэрролл, 1991], но оказывается недостаточной для моделирования многих известных сейчас типов корректных рассуждений. Например, в ее рамках нельзя получить доказательство того, что предложение «Если A и B то C » является следствием двух суждений « A есть B » и « B есть C », хотя в рамках более широкой системы, например, в системе исчисления высказываний, это доказательство можно найти. Но это ограничение не относится к самой алгебре множеств: в ее рамках можно построить более развернутые системы логического вывода, в которых отображаются многие методы рассуждений, которые не реализуются в рамках полисиллогистики, но в то же время являются вполне корректными с точки зрения математической логики [Кулик, 1997; Кулик и Наумов, 1997].

Булева алгебра (и соответственно алгебра множеств) являются четким разделителем классической и неклассической логики. Но когда эти системы строятся по правилам

построения искусственных языков (т.е. с использованием чистого исчисления), это различие становится незаметным. В современной логической литературе часто встречаются работы, в которых излагаются неклассические логические системы, но при этом даже не упоминается о том, какие законы булевой алгебры в этой системе теряют силу. В то же время в математической логике связь с интерпретацией, т.е. с моделью, в которой соблюдаются все законы булевой алгебры, считается обязательной.

Одной из привлекательных характеристик в семействе неклассических логик стало их многообразие. В настоящее время доказано, что общее число несовпадающих друг с другом неклассических логик достигает бесконечности. Отсюда следует, что каждый житель Земли при построении своих рассуждений может руководствоваться логикой, которая отличается от логики всех остальных живущих в данный момент или когда-либо живших людей. Он может даже придумать имя этой логике и тем самым претендовать на открытие в науке. Но вряд ли такая сравнительно легкая возможность получить звание открывателя положительно сказывается на развитии культуры мышления населения нашей планеты.

Те, кто в наше время пытается следить за литературой по логике, наверняка заметят одно странное обстоятельство: в учебниках по логике в основном излагается классическая логика, в то же время в научной литературе основное внимание уделяется теоретическим исследованиям в неклассических логиках. Если учесть необозримость самих неклассических логик (установлено, что их возможное число не менее континуума, т.е. явно превышает число всех возможных натуральных чисел) и тем более необозримость всех возможных соотношений между ними, то окажется, что поле деятельности для исследований в этой области намного шире, чем поле, ограниченное лишь рамками классической логики. И находить нечто новое в этом необозримом поле значительно проще. Только непонятно, какой прок от всей этой непонятно зачем исследуемой новизны? Тем более, что за всей этой мало понятной символикой трудно найти примеры конструктивного использования неклассической логики с целью логического анализа естественных рассуждений.

Речь здесь идет не о том, чтобы убедить читателя в том, что подход к логике как к некоему искусственному языку должен быть упразднен и заменен подходом на основе алгебраических систем. У каждого из этих подходов есть и достоинства, и недостатки. И самое лучшее решение заключается в том, чтобы эти два подхода органично сочетались. Сейчас же в современной логике под влиянием аналитической философии имеет место явный перекосяк в сторону построения многих искусственных языков логики, при этом многие конструктивные алгебраические методы, позволяющие сравнительно легко анализировать естественные рассуждения, оказались забытыми или труднодоступными для понимания.

К основным законам классической логики относятся следующие три. Это закон **двойного отрицания** (не-не- A равно A), закон **непротиворечия** (A и не- A несовместимы для любого A) и закон **исключенного третьего** (для двух ситуаций (A или не- A) допустима лишь одна из них — третьего не дано). В неклассических логиках эти и некоторые другие законы классической логики не считаются незыблемыми. Например, изобретены и нашли многочисленных поклонников неклассические логики, у которых нарушается закон исключенного третьего. По сути, это означает, что у A имеется два или более разных отрицаний. «Неклассики» обосновывают это тем, что в естественном языке

для одного тезиса можно предложить сразу несколько разных альтернативных антитезисов. Например, "отрицаниями" предложения "Все укротители крокодилов заслуживают уважения" (суждение из логической задачи Л. Кэрролла) можно было бы считать любое из следующих предложений: "Все укротители крокодилов не заслуживают уважения" и "Некоторые укротители крокодилов не заслуживают уважения".

Здесь можно найти более конструктивный выход из положения. Просто при моделировании ситуаций с многими так называемыми «отрицаниями» нужно не менять установившееся значение термина *отрицание* (во многих ситуациях оно просто необходимо именно в таком классическом варианте), но для многовариантных «конфликтных» ситуаций ввести другой термин (например, *антитеза*) и четко сформулировать необходимые и достаточные условия антитез. В частности, можно допустить, что для антитез справедлив закон непротиворечия (пара антитез несовместима), но не соблюдается закон исключенного третьего. Например, антонимы «больше» и «меньше» несовместимы друг с другом, но в совокупности всех сравниваемых по величине объектов имеется промежуточное (третье) отношение — «равно». Поэтому классическим отрицанием отношения "меньше" является "больше или равно", но отнюдь не "больше" и не "равно". В то же время последние отношения можно назвать антитезами "меньше". И если эти антитезы называть отрицаниями, то окажется, что для этих "отрицаний" не соблюдается закон исключенного третьего.

Но в неклассической логике, отказываясь от такого подхода, идут по пути наименьшего сопротивления и, по сути, искажают смысл логики. При таком подходе строгий логический термин «отрицание» превращается в некую метафору или, точнее, в термин с ускользающим смыслом. Что-то вроде улыбки Чеширского кота, которая иногда появлялась там, где самого кота не было. Такие метафоры уместны во многих случаях, но отнюдь не в основополагающих терминах логики. Инструмент анализа многих языковых явлений (в том числе метафор и алогизмов) должен быть на порядок строже и четче, чем само анализируемое явление. Отсюда ясно, что в основе логики должна лежать строгая математическая система, а не просто искусственный язык, в котором алгебраические понятия изъяты из обращения.

Раньше считалось, что логика не только изучает формы мышления, но и позволяет распознавать ошибки в рассуждениях. Сейчас картина резко изменилась: современная логика предлагает на выбор совокупность разнообразных языков, в которых хорошо согласуются грамматика и логика, но с помощью которых практически невозможно выявить ошибки в естественных рассуждениях. К тому же сам язык логики стал весьма громоздким и практически недоступным для неспециалистов. Да и сами специалисты, по-видимому, потеряли интерес к такому анализу. Последствия оказались весьма неприятными, причем не только в логике, но практически во всех областях знаний. В образованном обществе в условиях, когда логика превращается в рыхлую совокупность искусственных языков, постепенно утрачивается культура мышления. Даже в такой, казалось бы, безупречной области знаний как математика.

3.3 Логические катастрофы в современной математике

На рубеже XIX и XX столетий после работ Георга Кантора в математике стало интенсивно развиваться понятие "множество", которое в скором времени стало одним из центральных понятий современной математики. Алгебра множеств стала итогом

многовековых поисков математического обоснования классической логики, основы которой были заложены еще Аристотелем. В ее создание и развитие внесли вклад такие известные философы и математики, как В. Г. Лейбниц, Л. Эйлер, Ж.Д. Жергонн, А. де Морган, Дж. Буль, Дж. Венн и др. Но на рубеже XIX и XX веков были сформулированы так называемые парадоксы теории множеств, что стало причиной многих сомнений в правомерности "множественного" (по другой терминологии "объемного") подхода к основаниям логики и даже побудило некоторых известных математиков настаивать на том, чтобы вообще отказаться от использования понятия "множество" в математике.

Одновременно с этим начался интенсивный поиск оснований логики и математики. В процессе многочисленных и жарких дискуссий родилась и закрепилась идея о том, что для логики "объемная" точка зрения, с которой тесно связано понятие "множество", неприемлема, и более строгое обоснование логики можно получить лишь на основе альтернативного формального (или по терминологии самих "формалистов" — "содержательного") подхода, в котором вместо алгебры "объемов" используются сугубо формальное описание с помощью созданного усилиями многих математиков и логиков искусственного языка. Эта точка зрения нашла многочисленных сторонников среди логиков и математиков и вместе с этим породила множество поверхностных и противоречивых концепций. Даже явные приверженцы "содержательного" подхода — группа известных математиков, выпускавших фундаментальные труды по основаниям математики под псевдонимом Н. Бурбаки, — вынуждены были отметить, что "точка зрения, называемая "содержательной", была постоянным источником осложнений в развитии логики, она, кажется, более далека от истины, нежели первая (т.е. "объемная" — *Б.К.*), и довольно легко приводит к ошибкам" [Бурбаки, 1963, с. 13].

В современной математике термин "алгебра множеств" не является однозначным. В некоторых работах под ним понимается одна из разновидностей булевой алгебры, в других — алгебру множеств отождествляют с формальной теорией множеств. Алгебра множеств также определяется как математическая основа современной топологии и теории меры. Такое многообразие смыслов обусловлено не только нечеткостью определения этого термина, но и универсальностью алгебры множеств — ее свойства и законы приложимы к различным, даже, на первый взгляд, слабо связанным областям математики.

Здесь мы будем придерживаться "наивного" подхода к определению основных понятий алгебры множеств. Термин "наивный" был предложен сторонниками формальной теории множеств для обозначения предметного (или "интуитивного") подхода к определению понятия "множество". Тем самым предметному подходу был неявно присвоен уничижительный смысл и декларирован как более корректный альтернативный "формальный" (или по другой терминологии, используемой Н. Бурбаки, — "содержательный") подход к определению этого понятия. Впоследствии "наивный" подход к понятию "множество" трансформировался в современную алгебру множеств, а формальный подход лег в основу искусственного языка теории множеств, по образцу которого строятся многие другие искусственные языки, в том числе и те, которые лежат в основе многих неклассических логик.

В теории множеств неопределенность в терминах начинается уже с основных понятий *множество* и *элемент*. В математике и логике много споров вызвало следующее определение Г. Кантора: "*Под множеством понимают объединение в одно общее объектов, хорошо различаемых нашей интуицией или нашей мыслью*". О спорах вокруг этого определения, имевших место в первой четверти XX века, подробно рассказано в

[Бурбаки, 1963, с. 37-53]. В поисках выхода из этой неопределенной ситуации многие математики обратились к формальной системе, которая получила еще одно название — *аксиоматический метод*. В этом методе основную роль играют не множества, а *структуры*. Общее определение этого понятия дано, в частности, в [Бурбаки, 1963, с. 251].

“Теперь можно объяснить, что надо понимать в общем случае под *математической структурой*. Общей чертой различных понятий, объединенных этим родовым названием, является то, что они применимы к множеству элементов, природа которых не определена. Чтобы определить структуру, задают одно или несколько отношений, в которых находятся его элементы (в случае групп — это отношение $x \cdot y = z$ между тремя произвольными элементами); затем постулируют, что данное отношение или данные отношения удовлетворяют некоторым условиям (которые перечисляют и которые являются *аксиомами* рассматриваемой структуры). Построить аксиоматическую теорию данной структуры — это значит вывести логические следствия из аксиом структуры, *отказавшись от каких-либо других предположений* относительно рассматриваемых объектов (в частности, от всяких гипотез относительно их “природы”).”

Один из адептов формального подхода всемирно известный математик Д. Гильберт популярно пояснил эту точку зрения в следующем высказывании: если заменить слова "точка", "прямая" и "плоскость" словами "стол", "стул" и "пивная кружка", то в геометрии ничего не изменится [Рид, 1977].

Заложенная в трудах Н. Бурбаки и их предшественников тенденция развития понятия "математическая структура" привела к тому, что многие разделы логики и математики стали развиваться в русле сугубо формального подхода. Для многих современных математиков фраза, выделенная авторами трактата курсивом, понимается в абсолютном смысле, т.е. она как бы является руководством к действию на всех этапах изобретения и построения математической теории. Но стремление свести всю теоретическую математику к "чистым", т.е. лишенным предметной основы структурам, является методологической ошибкой, о которой еще в конце XIX века предупреждал А. Пуанкаре: "Чистый математик, который забыл бы о существовании внешнего мира, был бы подобен живописцу, умеющему гармонически сочетать цвета и формы, но лишенному натуры, модели, — его творческая сила быстро бы иссякла".

Но в XX столетии ситуация в творческих лабораториях живописцев и математиков развивалась явно не по сценарию Пуанкаре. Творческая энергия многих современных живописцев, забывших о существовании внешнего мира или намеренно искажающих его, явно не иссякает, как не иссякает и творчество современных математиков и логиков, увлеченных сугубо формальными построениями, не забывающих при этом уничижительно отзываться о тех, кто занимается прикладными аспектами логики и математики.

Здесь надо пояснить, что под "наивными" математическими объектами понимаются не объекты реального мира, а сугубо математические "идеальные" объекты, тесно связанные с нашими чувственными представлениями, — точки, линии, геометрические фигуры, числа, множества и т.д. При математическом исследовании этих "наивных" объектов нередко происходит открытие структурных свойств этих объектов и на этом этапе, действительно, возникает необходимость *отказаться от каких либо предположений* относительно их "природы". Такой "отказ" нередко позволяет обобщить закономерности найденной структуры и найти новые объекты, которые соответствуют этой структуре. Тот же методологический принцип дает возможность изобретать новые

математические структуры за счет целенаправленного изменения некоторых свойств исходной структуры. Но полностью отказаться от предметной основы, как это рекомендуют многие приверженцы формального подхода, нецелесообразно, поскольку обращение к ней позволяет находить содержательно обусловленные нерешенные проблемы и осуществлять постановку новых задач.

Укоренилось мнение, что "наивный" (т.е. предметный) подход, который неоправданно декларируется как альтернатива аксиоматическому подходу, приводит к парадоксам теории множеств. Обнаружение этих парадоксов породило у многих логиков и математиков уверенность в том, что "наивное" понятие множества является противоречивым в принципе. Здесь мы приведем доводы за точку зрения, согласно которой парадоксы, связанные с множествами, обусловлены не самим предметным подходом, а тем, что эти парадоксы формулируются сугубо формально с незаметными для многих нарушениями логики. При таком рассмотрении оказывается, что *многие парадоксы — это тонко замаскированная игра словами, которая становится незаметной при формализации*.

Но было бы неверно обрисовывать формальный подход только черными красками. Одним из достижений формального подхода является изобретение удобной символики для математических объектов, непосредственно связанных с логикой. Чтобы понять те преимущества, которые были получены при этом, достаточно обратиться к трудам по логике XIX века и сравнить труднодоступный способ изложения, который использовали основатели современной логики (А. де Морган, Дж. Буль, Г. Фреге и др.) с современным способом изложения. Поэтому здесь мы будем использовать общепринятую в формальном подходе символику.

Чтобы понять суть парадоксов, связанных с множествами, достаточно знать несколько приведенных ниже сравнительно несложных основных понятий алгебры множеств, суть которых вполне доступна современным школьникам.

Предложение "x есть элемент множества S" характеризует *отношение принадлежности* между множеством и элементом. Это отношение обозначается знаком "∈". Тогда приведенное выше предложение можно кратко записать как "x∈S". Альтернативным отношению принадлежности является отношение, обозначаемое символом "∉". Запись "d∉S" означает, что элемент d не принадлежит множеству S.

Множество можно задать с помощью определения (или описания) свойств содержащихся в нем элементов или с помощью перечисления. Для записи множеств используются фигурные скобки. Например, запись $S = \{a, b, c\}$ означает, что множество S состоит из трех элементов a, b и c. Те же обозначения можно использовать и для записи некоторых бесконечных множеств. Например, множество всех чисел натурального ряда можно записать как $N = \{1, 2, 3, \dots\}$. При этом мы должны еще определить, по какому правилу формируются последующие члены ряда.

Для множеств порядок записи при перечислении элементов является несущественным. Например, задав множество $M = \{7, 10, 3, 8\}$ целых чисел, мы можем расположить его элементы в любом порядке. Иногда более целесообразно выбрать "естественный" порядок, например, $M = \{3, 7, 8, 10\}$, но для множеств это делается только в целях удобства. Если порядок у множеств является существенным свойством, то в этом случае мы имеем дело с *упорядоченными множествами*, свойства которых отличаются от свойств обычных множеств.

Помимо отношения принадлежности в алгебре множеств вводится отношения равенства и включения, последнее обозначается символами " \subseteq " или " \subset ". Отношение включения определено для пар множеств: множество X включено в множество Y лишь тогда, когда все элементы множества X являются одновременно и элементами множества Y . В этом случае предложения $X \subseteq Y$ или $X \subset Y$ являются истинными. Символ " \subseteq " переводится как "включено или равно", а символ " \subset " — как "строго включено", это означает, что множество X включено в множество Y , но при этом не равно ему.

Если a — какой-либо элемент множества X (т.е. $a \in X$), то запись $a \subseteq X$ является некорректной, поскольку левая часть этой записи не множество, а элемент. В то же время, если мы образуем множество из одного элемента — $\{a\}$, то в этом случае запись $\{a\} \subseteq X$ — корректна.

В теории множеств отношения равенства и включения не вызывают каких-либо серьезных споров и разногласий. Но с отношением принадлежности ситуация весьма непростая. Вопрос о том, как и какими способами множества *разделяются* на элементы, является, по-видимому, одним из спорных моментов теории множеств. Многие трудности в теории множеств обусловлены недостаточно четкой трактовкой понятия принадлежности. Первая трудность состоит в том, что одно и то же множество можно разложить на элементы разными способами. Например, отрезок прямой AE (рис. 1) можно представить как бесконечное множество точек. Тот же отрезок можно разложить на более крупные элементы (интервалы), которые могут содержать свои крайние точки (замкнутые интервалы) или не содержать их (открытые и полуоткрытые интервалы). Чтобы при разложении на такие укрупненные элементы учесть все возможные точки этого отрезка и в то же время не допускать того, чтобы у разных интервалов были общие точки (т.е. используется *разбиение* отрезка), требуется представить его как совокупность каких-то замкнутых, открытых и полуоткрытых интервалов. Например, отрезок AE можно представить как множество из четырех элементов (интервалов): $\{[A, B], (B, C), [C, D], (D, E)\}$. "Открытость" и "замкнутость" соответствующих интервалов маркируется соответственно круглыми и прямыми скобками. Здесь первый и третий интервалы — замкнутые, второй — открытый и четвертый — полуоткрытый. Ясно, что при таком разбиении на элементы на отрезке не остается ни одной неиспользованной точки, а любая пара интервалов не имеет общих точек.

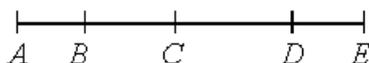


Рис. 1

При разбиении множеств на элементы появляется некоторая двусмысленность, которая как раз и ведет к парадоксам. При различных разбиениях некоторых множеств на элементы оказывается, что некоторые элементы могут одновременно быть множествами (в нашем примере с разбиением отрезка такими неоднозначными элементами являются интервалы, содержащие множества точек). Поэтому кажется вполне корректным такое часто употребляемое в математике выражение как "множество множеств". И в то же время понятие "множество всех множеств, не являющихся элементами самих себя" оказывается противоречивым. Эта фраза о множествах, "являющихся (или не являющихся) элементами самих себя" является ключевой в одном из знаменитых парадоксов, сформулированных в начале XX столетия, а именно, в парадоксе всемирно известного философа Бертрانا Рассела.

Рассмотрим рассуждения, приводящие к противоречию. Обычные множества (например, множество звезд или чисел) не являются элементами самих себя — каждое из них не является соответственно ни звездой, ни числом. Назовем их "несамоприменимыми", в отличие от "самоприменимых", которые являются элементами самих себя. В качестве примеров "самоприменимых" множеств приводятся такие, как "каталог каталогов", "список списков" и "множество множеств". Эти примеры при строгом содержательном анализе вряд ли можно считать корректными подтверждениями "самоприменимости", поскольку в каждом из этих примеров одинаковыми словами обозначаются принципиально разные объекты. Отсутствие бесспорных примеров самоприменимых множеств позволяет предположить, что для "несамоприменимости" не существует альтернативы.

Но предположим все-таки, что "самоприменимые" множества существуют. Тогда получим рассуждение, приводящее к парадоксу. Пусть S — множество всех несоприменимых множеств, т.е. множеств, не являющихся элементами самих себя. Спрашивается, к какому из этих двух классов оно само относится? Предположим, что оно несоприменимо. Тогда оно должно содержаться в S по определению (поскольку S содержит все несоприменимые множества) и, следовательно, самоприменимо. Если же оно самоприменимо, то должно содержать самого себя, а это означает, что оно содержит не только несоприменимые, но и самоприменимые множества, что противоречит его определению.

Люди в основном легко замечают простые логические нелепости и ошибки. Но когда в рассуждении простые нелепости сплетаются друг с другом, то такой симбиоз многими воспринимается как проявление гениальности. Примером такого гениального софизма как раз и является парадокс Рассела. Первая нелепость — это тезис о существовании самоприменимых множеств. Второй нелепостью (точнее, двусмысленностью) в формулировке "множество, не содержащее себя в качестве элемента" является неявное отождествление "множества" и "элемента". На вопрос "Допустимо ли такое отождествление?" почему-то никто не пытался ответить. В этом рассуждении имеет место отождествление разных понятий, что с точки зрения традиционной логики является логической ошибкой. Но в современной логике, в которой некоторые "критические ситуации" в рассуждениях (например, противоречие) математически определены и обоснованы, для ситуации "отождествление разных терминов" по сути не существует формальной модели.

Рассмотрим эту ситуацию под другим углом зрения. Если мы произвольным образом разбиваем некоторое множество S на элементы, то мы должны считать каждый из этих "элементов" неделимым объектом. Если же нас некоторый "элемент" интересует как совокупность других элементов, т.е. как "множество", то в этом случае понятие "элемент" к нему неприменимо, и мы должны его рассматривать как *подмножество* множества S , т.е. использовать не отношение *принадлежности*, а принципиально иное отношение *включения*.

Рассмотрим простой пример. Пусть множество S состоит из трех элементов: A , B и C , т.е. $S = \{A, B, C\}$. Допустим, что элемент A в свою очередь можно разбить на два элемента: f и g . Тогда очевидно, что $A = \{f, g\}$. Если мы будем учитывать это последнее разбиение в S , то в этом случае правильной записью будет не $S = \{A, B, C\}$, а $S = \{f, g, B, C\}$. В таком случае оказывается, что A является уже не элементом S , а его подмножеством. И также очевидно, что объекты, обозначенные одним и тем же символом S , являются разными множествами.

Такое очевидное несоответствие полностью игнорируется при формальном подходе. Здесь просто не замечается то обстоятельство, что при этом изменяется не только этот элемент A , но и структура самого множества S , поскольку оно содержит уже другой состав элементов. Но это изменение структуры обусловлено не изменением объекта S , а *изменением нашего восприятия или представления этого объекта*. Тогда получается, что упомянутое выше часто употребляемое выражение "множество множеств" (т.е. множество элементов, все или некоторые из которых являются множествами) является метафорой, и его следует понимать как "семейство множеств" или более точно как "система множеств". В этом случае множества, из которых состоит данная система, являются "элементами системы" (лучше было бы "компонентами системы") и в соответствии с этим подмножествами множества, лежащего в основании системы, но отнюдь не "элементами множества".

Выходом из этой трудности, казалось бы, должен быть запрет рассуждений, в которых такие сложные объекты *одновременно* трактуются и как элемент, и как множество. Если нас интересуют эти объекты как множества, то в этом случае мы имеем дело не с "множеством множеств", а с "системой множеств", а элементами в этом случае являются не сами эти множества, а их имена (или номера). В таком случае предложение "множество, являющееся (или не являющееся) элементом самого себя", которое лежит в основе парадокса Рассела, является некорректным, поскольку здесь используются одновременно две несовместимые между собой, но вполне правомерные по отдельности точки зрения на один и тот же объект.

С точки зрения классической логики совмещение противоположных в чем-то свойств одного и того же объекта считается некорректным. Но эту ситуацию необходимо отличать от другой ситуации, которая нередко встречается на практике, но в логическом анализе либо не принимается во внимание, либо становится источником парадокса. Это ситуация, когда *один и тот же объект рассматривается с разных точек зрения, каждая из которых логически непротиворечива*. Так, разные "проекции" одного и того же объекта могут быть принципиально различными, но отсюда не следует парадоксальность самого объекта. Например, круг и прямоугольник несовместимы по свойствам, но они являются разными проекциями одного и того же геометрического объекта — цилиндра. Цилиндр в зависимости от того, какая из его поверхностей соприкасается с плоскостью, может легко катиться по плоскости или быть устойчивой опорой, но эти его "свойства" не проявляются одновременно. В таких случаях корректность рассуждения обеспечивается тогда, когда мы не пытаемся рассматривать разные точки зрения (или разные проекции) как свойства, *одновременно проявляющиеся* в одном и том же объекте, в противном случае неизбежны парадоксы. К этому классу некорректных рассуждений можно отнести как парадокс Рассела, так и многие другие парадоксы, которые лежат в основе критики "наивного" подхода со стороны тех, кто защищает тезис о непогрешимости искусственных языков, интенсивно размножающихся в рамках формального подхода.

В рамках неклассической логики найдено немало интересных структур, но эти структуры было бы более уместно называть не логиками, а математическими структурами. В этом случае (т.е. в рамках "чистой" математики) нет ничего предосудительного в том, что для многих из этих структур пока что не найдено каких-либо содержательных примеров. Неплохо уже то, что некоторые из неклассических логик можно использовать для моделирования и анализа числовых множеств. Но, как мне кажется, называть их логиками не совсем правильно.

Вряд ли многие современные логики откажутся от такого многообразия смысла

понятия "логика". Но можно предложить другой путь решения проблемы. Учитывая неоднозначное и во многом расплывчатое содержание современной логики, в которой мирно сосуществуют классическое и многочисленные неклассическое направления, было бы целесообразно в рамках философии здравого смысла выделить в качестве приемлемой для данной философии *естественную логику*, суть которой заключается не в том, что она соотносится с каким-то особым искусственным языком, а в том, что она отражает логическую структуру естественного языка. В основе естественной логики лежат законы классической логики и соответствующий математический аппарат (алгебра множеств), в котором отображены эти законы.

4. ПСИХОЭТИКА МИФОВ

Любой ученый, отстаивающий какую-либо точку зрения (в нашей терминологии — определенный миф), явно или неявно вступает в полемику с теми, кто придерживается в чем-то противоположных взглядов. А в полемике как раз и возникают ситуации, когда необходимо использовать определенные правила поведения, которые относятся к этике. Даже в логике этика играет далеко не последнюю роль. Например, в широко известной книге о теории и практике спора [Поварнин, 1992] рассматриваются различные уловки в споре, однако аргументы С.И. Поварнина против их использования в споре имеют скорее этическое, чем логическое содержание. Вряд ли возможно обосновать сугубо логически неправомочность уловок, так как приемы, которые в них используются (это в основном приемы психологического и психолингвистического воздействия на оппонента с целью выбить его из колеи и принудить признать поражение в диспуте), выходят за пределы логики.

Эти уловки иногда проявляются в тенденциозном выборе терминологии. Выше уже было отмечено, что адепты формального подхода значительно исказили смысл своей концепции, назвав ее "содержательной". Хотя содержанием ее являются лишь структуры символов, для которых интерпретация предметными категориями далеко не всегда является обязательной (а иногда даже нежелательной!). И ими же был предложен термин "наивный" для альтернативной — предметной точки зрения. Если идти на поводу этой терминологии, то оказывается, что предметный подход следует воспринимать как курьез, не заслуживающий внимания.

Та же терминологическая уловка сказалась и на развитии такого раздела знаний, как семантика. С "наивной" точки зрения предметом исследования семантики должно быть изучение соотношений между знаковыми и предметными системами. Однако содержание многих современных работ по семантике четко ограничивается исследованием так называемых "содержательных" (т.е. сугубо знаковых или символьных) систем без какой-либо связи с предметными системами.

Ясно, что для распознавания постоянно совершенствующихся уловок в полемике между носителями разных мифов логического анализа недостаточно. Эта задача может быть решена в рамках методологии науки, неотъемлемой частью которой является логика. Однако отправной точкой для решения этой задачи является этика.

Правила этики пока что не имеют четкой формулировки и понимаются по-разному разными людьми. Философское понимание этики неоднозначно и чтобы приблизиться более ясному пониманию, попытаемся найти связи между этикой и психологией человека.

В настоящее время термины «этика» и «этические принципы» не входят в число

основных понятий обширного конгломерата психологических наук. Результатом такого пренебрежения психологов к понятию «этика» является то, что с точки зрения разнообразных психологических типологий в один и тот же класс могут попасть индивиды или социальные группы с отличающимися этическими принципами, которыми они руководствуются в своей деятельности. Эти группы (или индивиды) могут иметь одинаковые цели, но разные средства для их достижения: например, если у одних насилие и террор неприемлемы, то у других — приняты как необходимые для достижения вроде бы тех же целей. При этом надо учесть, что выбор тех или иных «средств» приводит к тому, что сами цели, на первый взгляд, одинаковые по смыслу, становятся принципиально различными. Изучением и регулированием этих «средств» как раз и занимается этика. Таким образом, «чистая» психология, так же как и многие ее разделы (патопсихология, социальная психология, политическая психология и т. д.), оказываются недостаточными для адекватного описания объектов своих исследований — личности или социальной группы.

Традиционно все, что связано с этикой, относится к сфере философии, но тогда непонятно, как можно не различать с точки зрения психологии и психиатрии разных индивидов, которые практически одинаковы по всем психологическим параметрам кроме одного: у одних существует внутренний запрет на причинение страданий другим, даже незнакомым, людям, а у других таких внутренних запретов не существует. Тем более, что многие нарушения психики, по-видимому, обусловлены конфликтом в сознании индивида между некоторыми его желаниями или намерениями и общепринятыми этическими запретами, которые им усвоены.

Комплекс этических принципов, не всегда явно сформулированных, которыми руководствуется определенный индивид или определенная социальная группа, является определенным свойством индивида или социальной группы. Это свойство по своему статусу является промежуточным между некоторыми психологическими характеристиками (например, «доминанта» или «установка») и философской характеристикой «мировоззрение». Поскольку в литературе мне не удалось найти термина, обозначающего это свойство, предлагаю для его обозначения термины «психоэтика» (применительно к индивидууму) и «социоэтика» (применительно к социальной группе). Проанализируем связи между этими понятиями и некоторыми другими психологическими характеристиками.

На протяжении многих веков многократно предпринимались попытки построить единую для всех систему этических правил, исходя из каких-либо первичных оснований. В качестве таких оснований иногда принимались некоторые свойства человека или группы (например, «категорический императив» И. Канта, «классовое сознание» у классиков диалектического материализма, «чувство стыда» и «чувство красоты» у В. С. Соловьева, «стремление к объединению» у П. А. Кропоткина). Однако оказывалось, что эти первичные основания допускали множество взаимоисключающих толкований, либо же имели весьма отдаленную связь с человеческой сутью этики (например, построенная в виде аксиоматической системы этика Спинозы). Такие системы обоснования этики были весьма абстрактны и либо находили признание лишь в довольно узком кругу интеллектуалов, либо, взятые на вооружение стремящимися к власти авантюристами, рано или поздно обнаруживали на практике свою несостоятельность.

Подробный анализ многочисленных различных этических систем выходит за рамки данной книги. Здесь нам придется согласиться с тем, что в настоящее время единой общепризнанной концепции этики не существует. Мало того, каждый из нас в

зависимости от обстоятельств в разное время руководствуется принципиально различными этическими нормами, хотя эти переходы из одной системы этических норм в другую мы сами часто и не замечаем. Речь в данном случае идет не об элементарной беспринципности или двуличии, а о том, что мы в одно и то же время являемся не только индивидами, борющимися за свое собственное существование, но и членами больших или малых социальных групп (семьи, производственной или общественной организации, религиозной конфессии, этноса, государства и т. д.). Конфликты между этими различными сферами нашей жизни для некоторых людей могут оказаться причиной сильных душевных потрясений, другие же их просто не замечают, но реальность их несомненна — инициаторами этих конфликтов являются несовместимые друг с другом этические нормы, на основе которых формируются и существуют эти социальные группы.

Решаются такого рода конфликты по-разному. Одни обращаются в поисках ответа к духовному культурному и философскому наследию человечества, другие прибегают к помощи специалистов по психоанализу, третьи, возможно, самые слабые и незащищенные, становятся жертвами различного рода старых или новоявленных сект, лжепророков и «спасителей рода человеческого» — в этом случае благоприятной почвой для внедрения таких мифов оказывается феномен «раздробленного сознания». Многие методы психологического воздействия, которыми раньше владели лишь немногие «избранные» — жрецы, колдуны, шаманы и т. д., стали достоянием современной открытой науки и применяются не только для лечения неврозов и психозов, но и для оболванивания больших групп людей весьма сомнительными личностями.

Трудно, а может быть, и невозможно дать однозначный ответ на вопрос: заложен ли «нравственный инстинкт» в самой природе человека? К сожалению, многие печально известные факты истории и нашей повседневной жизни не позволяют дать положительный ответ. Антигуманные идеологии, с помощью которых удавалось на длительное время подавить «нравственный инстинкт» подавляющего большинства населения в отдельно взятых государствах или этносах, всем известны. Если взглянуть на эту проблему с эволюционной точки зрения, то какие-то зачатки «нравственного инстинкта» можно найти у животных. Например, в волчьей стае неукоснительно соблюдается принцип «лежачего не бьют»: толчком для снятия агрессии во время «разборок» является поза покорности или незащищенное горло соперника.

Известный, но незаслуженно забытый русский писатель, публицист, просветитель, педагог и философ В. Ф. Одоевский (1804-1869) – многие путают его с поэтом-декабристом Александром Одоевским – тесно связывал «нравственный инстинкт» с национальным самосознанием и с познавательной способностью человека [Одоевский, 1975]. И он же предупреждал, что пренебрежение нравственными аспектами бытия в просвещении и образовании грозит человечеству большими катастрофами. Иногда его прогнозы просто поразительны. Прочтите его фантастический рассказ «4338 год», в котором предугаданы многие достижения техники и технологии нашего времени. А ведь написан это рассказ в первой половине XIX века! Чтобы лучше понять точку зрения В. Ф. Одоевского, предоставим слово ему самому:

«В сем нравственном инстинкте, кажется, лежат основания всех наших знаний и чувствований; он отнюдь не одинаков у всех людей; всякий имеет его в разной степени; ближайшиe степени понимают друг друга, отдаленные не понимают; мы нашими знаниями и действиями должны бы развить это чувство, но мы не замечаем его в чадy наших предметов; мы следуем указаниям страстей, расчетов, систем. К сему чувству должен обращаться ученый, а тем более поэт; ученый, обращающийся к сему чувству,

поэтизирует науку; поэт делается предвещателем...»

«Нравственный инстинкт требует развития, как всякая другая сила человека...»

«Одно материальное просвещение, образование одного рассудка, одного расчета, без всякого внимания к инстинктуальному, невольному побуждению сердца, словом, одна наука без чувства религиозной любви может достигнуть высшей степени развития. Но, развившись в одном эгоистическом направлении, беспрестанно удовлетворяя потребностям человека, предупреждая все его физические желания, она растлит его; плоть победит дух (сего-то и боится религия); мало-помалу погружаясь в телесные наслаждения, человек забудет о том, что призвало их; пройдет напрасно время, в которое бы человек должен был двинуться далее; но в природе не даром летит это время; природа покорная (без свободной воли) вышним судьбам, совершит путь свой и вдруг явится человеку с новыми, неожиданными им силами, пересилит его и погребет его под развалинами его старого обветшалого здания! Такова причина гибели стольких познаний, которыми древние превышали новейших. Так будет и с нами, если религиозное чувство бескорыстной любви не соединится с нашим просвещением».

В своих поисках истины В. Ф. Одоевский, один из немногих энциклопедистов своего времени, шел, если использовать его терминологию, «по узкому пути», стремясь избежать предвзятости в своих оценках. Результатом явилось то, что его не поняли и не приняли ни либералы, ни ревнители «сильной власти», ни славянофилы, ни западники. Даже В. Г. Белинский, положительно (а порой и восторженно) оценивая литературные достоинства произведений Одоевского, тем не менее, ставил ему в упрек «чрезмерную дидактичность».

Разумеется, приведенные цитаты не отражают всей глубины философского мировоззрения и прозорливости В. Ф. Одоевского. И «нравственный инстинкт», видимо, не так просто выделить и обосновать как заложенную природой мотивацию человека. Одним из тех, кто занимался исследованием этой проблемы, является Конрад Лоренц (1903-1989) — выдающийся австрийский ученый, лауреат Нобелевской премии, один из основоположников этологии, науки о поведении животных. Он считал, что «нравственный инстинкт» (по его терминологии — «естественная склонность к социальному поведению») с развитием цивилизации постепенно утрачивается [Лоренц, 1994]: «Чем больше развивается цивилизация, тем менее благоприятны все предпосылки для нормальных проявлений нашей естественной склонности к социальному поведению, а требования к нему постоянно возрастают: мы должны обращаться с нашим «ближним» как с лучшим другом, хотя, быть может, в жизни его не видели; более того, с помощью своего разума мы можем прекрасно сознавать, что обязаны любить даже врагов наших, — естественные наклонности никогда бы нас до этого не довели. Все проповеди аскетизма, предостерегающие от того, чтобы отпускать узду инстинктивных побуждений, учение о первородном грехе, утверждающее, что человек от рождения порочен, — все это имеет общее рациональное зерно: понимание того, что человек не смеет слепо следовать своим врожденным наклонностям, а должен учиться властвовать над ними и ответственно контролировать их проявления».

Можно ожидать, что цивилизация будет развиваться все более ускоренным темпом — хотелось бы надеяться, что культура не будет от нее отставать, — и в той же мере будет возрастать и становиться все тяжелее бремя, возложенное на ответственную мораль. Расхождение между тем, что человек готов сделать для общества, и тем, чего общество от него требует, будет расти; и ответственности будет все труднее сохранять мост через эту пропасть. Эта мысль очень тревожит, потому что при всем желании не видно каких-либо

селективных преимуществ, которые хоть один человек сегодня мог бы извлечь из обостренного чувства ответственности или из добрых естественных наклонностей. Скорее следует серьезно опасаться, что нынешняя коммерческая организация общества своим дьявольским влиянием соперничества между людьми направляет отбор в прямо противоположную сторону. Так что задача ответственности постоянно усложняется и с этой стороны» [Лоренц, 1994].

К. Лоренц считал, что моральное поведение и моральная ответственность являются в большей степени прерогативой разума, чем врожденной физиологической потребностью. В то же время в своей книге «Агрессия» он привел немало доводов в пользу того, что такое противоположное «нравственному инстинкту» качество, как агрессивность, является врожденным, инстинктивно обусловленным свойством человека, которое не ослабевает, а, наоборот, усиливается по мере развития цивилизации.

Против этих доводов трудно выдвинуть какие-либо контраргументы, если, как и К. Лоренц, рассматривать индивидов вне зависимости от влияния на них других людей. Можно согласиться с тем, что у человека нередко возникает потребность «выпускать пары», но в обычных случаях это проявляется в основном в традиционных конфликтах между людьми (они неизбежны даже в прочных и любящих семьях) или в соперничестве между ними, которые, приводят к трагическим последствиям лишь в исключительных случаях. Назвать такую потребность, свойственную многим людям, агрессивностью будет явным преувеличением.

Что касается экстремальных ситуаций, когда в конфликт вовлекаются большие группы хорошо вооруженных людей, то здесь не мешало бы обратить внимание на то, что значительная часть этих людей становятся участниками такого рода конфликтов помимо своей воли под влиянием приказа, соответствующей пропаганды или инициированного кем-то массового психоза. Такого рода экстремальные проявления агрессии инициируются сравнительно небольшими группами людей. Но остальные участники таких конфликтов, могли бы спокойно заниматься общественно полезным трудом, растить детей, мирно общаться с теперешними «врагами» и не помышлять о том, чтобы убивать себе подобных. И воюют они не потому, что им необходимо удовлетворить свою потребность в агрессии, а потому что они оказались вовлеченными в инициированный кем-то массовый психоз или их сумели *убедить* в том, что «так надо».

Рост преступности, наблюдающийся во многих регионах и странах, тоже во многом происходит за счет умелого и целенаправленного вовлечения в криминальные структуры многих людей (сейчас появилась широкая возможность использовать СМИ для такой "воспитательной" работы), которые при прочих условиях, могли бы быть законопослушными гражданами.

Среди психологических характеристик человека есть одна четкая характеристика, имеющая непосредственное отношение к самым различным проявлениям и дестабилизациям общественного «нравственного инстинкта». Это — *стремление к власти*. Другая сторона этой характеристики — *способность признания власти* (или подчинение власти). Рассмотрим подробнее эти характеристики.

Исследованию феномена власти посвятили свои работы многие философы и психологи, но к единому мнению не пришли. Обширный материал, посвященный теме власти, представлен в двухтомном сборнике «Психология и психоанализ власти» [Психология, 1999]. Рассмотрим некоторые точки зрения исследователей, представленных в этом сборнике.

Представитель психоаналитического движения А. Адлер считал, что стремление к

власти не является чем-то врожденным. По его мнению, эта потребность прививается детям с раннего возраста и ребенок воспринимает эту потребность из атмосферы, пропитанной жаждой власти. И здесь же он пишет: «В нашей крови все еще есть тяга к опьянению властью, и наши души становятся мячиками в игре стремления быть наверху. Только одно может нас спасти — недоверие к господству» [Адлер, 1997].

Э. Фромм видел в этой потребности невротические черты и считал первичными основаниями для этой потребности симбиоз мазохистского и садистского стремлений. «Садизм в наиболее разрушительных формах, когда другого человека истязают, — это не то же самое, что жажда власти, но именно жажда власти является наиболее существенным проявлением садизма» [Фромм, 1990].

На мой взгляд, более конструктивно подходит к анализу этой потребности С.Б. Каверин, который считает, что стремление к власти не является самостоятельной потребностью, но образуется как симбиоз других потребностей, в частности, следующих: 1) потребности быть личностью; 2) потребности самовыражения; 3) потребности в самоутверждении; 4) потребности в свободе и 5) гедонистических потребностях. «По мере роста какой-то из потребностей неизбежно возрастает зависимость субъекта от того, кто контролирует благо, способное удовлетворить данную потребность. Эта зависимость переживается как органическая несвобода, а потому первая характеристика психологического содержания потребности власти есть стремление освободиться, получить независимость — от обстоятельств, от других людей. Освободиться можно двумя способами: путем отказа от блага или посредством овладения контролем над ним» [Каверин, 1991]. Даже в основе потребности к творчеству лежат, по крайней мере, первые четыре из приведенных выше пяти основных потребностей, формирующих стремление к власти. Пятая потребность (гедонистическая) здесь проявляется незначительно (творческую личность материальные блага интересуют в меньшей степени), хотя исключить ее полностью при анализе творческой потребности, видимо, нецелесообразно.

Стремление к власти, так или иначе, реализуется всегда, если устойчивая группа состоит хотя бы из двух человек. Кто-то считает себя более компетентным в данном вопросе и пытается навязать окружающим свою точку зрения, кто-то хочет сказать последнее слово в споре или в науке, кто-то хочет иметь возможность купить все, что продается, и всех, кто продается, и т. д. и т. п. Возможны группы, в которых при осуществлении разных видов деятельности лидеры меняются местами. Даже в самых, казалось бы, безобидных научных спорах стремление к власти проявляется в большей или меньшей степени — нередко в науке торжествует не самая лучшая точка зрения только потому, что она имеет под собой более мощную чисто психологическую подоплеку (яркая и сильная личность носителя мифа, многочисленность последователей и т.д.). Это обстоятельство подтверждает даже статистика: установлено, что средний период времени между моментом открытия выдающейся научной идеи и ее признанием составляет 11 лет. Такой большой срок обусловлен не только инерцией мышления (старые мифы в сознании человека стремятся удержать свои позиции), но и сопротивлением главных идеологов знания в этот период времени. В последние десятилетия наблюдается сокращение продолжительности времени между открытием идеи и ее признанием. Это обусловлено, видимо, тем, что мир постепенно поворачивается лицом к плюрализму.

Одним из пронзительных описаний многочисленных «жизнейских» конфликтных ситуаций, сопровождающих процесс рождения научного открытия, содержится в книге одного из открывателей структуры ДНК Джеймса Д. Уотсона [Уотсон, 1969]. В своих воспоминаниях Уотсон не стесняется признаться в том, что одним из основных мотивов в

период его с Фрэнсисом Криком интенсивных исследований, приведших к одному из величайших открытий XX века, было стремление быть первым в гонке, среди участников которой было несколько известных научных коллективов.

Стремление к власти и признание власти пронизывают всю нашу сознательную и подсознательную жизнь. Пытаясь отстоять свою позицию, мы нередко, порой сами того не замечая, прибегаем к психологическим методам воздействия на окружающих, включая методы внушения. Например, учителю, чтобы привлечь внимание многих учеников, требуются не только определенный общественный статус и глубокие знания, но и некоторые психологические особенности, которые тесно связаны с методами достижения власти. Даже влюбленность или страсть возникают во многих случаях не без определенного, может быть, не всегда полностью осознаваемого внушения со стороны того, в кого влюблены. И, возможно, что многие носители зла среди людей — это индивидуумы, у которых в силу каких-то причин оказалось ущемленным гипертрофированное стремление к власти или какие-то основные потребности (например, в свободе), лежащие в основе стремления к власти.

Самое удивительное, что даже в серьезных исследованиях по психологии и политической психологии стремление к власти и признание власти не выделяются в качестве основных мотивов человеческой деятельности (в частности, политической деятельности [Юрьев, 1992]). Трудно не видеть, что политическая деятельность — это в первую очередь борьба за власть, даже если подоплекой этой борьбы являются самые благородные побуждения. Человек, отдавший на суд общественности литературный, философский или научный труд, тоже борется за власть, точнее, за признание хотя бы некоторыми людьми нетрадиционных, как ему кажется, особенностей его собственного мировоззрения — он создает определенный миф, включая и миф о себе, и стремится к тому, чтобы этот миф распространился в обществе.

Стремление к власти не является непосредственным следствием стремления к выживанию — в историях народов, устойчивых групп, семейных династий и т. д. немало примеров, когда ради достижения власти ставились на карту благополучие и жизнь близких людей и даже собственная жизнь. Эволюционная необходимость стремления к власти тоже достаточно обоснована — в любой устойчивой группе даже из двух человек для обеспечения ее стабильности и жизнеспособности требуется лидер, необходимо также, чтобы его путь к лидерству был тернистым. Легкие пути к власти, скорее, исключение, чем правило.

Еще со времен античности было выделено два способа достижения превосходства в споре: «к толпе» (в философской литературе используется менее точное, на мой взгляд, название этого способа — "к человеку") и «к разуму». В более общем случае стремление к власти реализуется с помощью двух противоположных с точки зрения этики методов воздействия: «авторитарного» и «разумного». В первом случае индивид стремится возвыситься за счет подавления воли и разума других индивидов, во втором — за счет обращения к их разуму и обогащения их разума. Прошло более двух тысячелетий после этого открытия, а человечество осталось на том же уровне и не стремится воспользоваться им, чтобы вовремя распознавать рвущихся к власти авантюристов и мизантропов, которые утверждают в обществе себя и свои мифы с помощью метода «к толпе», но не с помощью метода «к разуму». По сравнительной интенсивности использования этих методов очередным «претендентом» можно уже сделать вывод о моральном облике человека, борющегося за власть, и соответственно о возможных последствиях его победы.

Эмоции окружающих — питательная среда для стремления к власти и в

значительной степени индикатор этого скрытого или тщательно скрываемого мотива. Для многих людей, реализующих этот мотив, питательной средой являются положительные эмоции окружающих — этих людей с точки зрения психоэтики можно считать нормальными. К противоположному полюсу относятся люди, для которых питательной средой является обстановка страха и слепого поклонения. Ведь «монстр» (индивид, преступления которого отличаются особой жестокостью) истязает свою жертву не из любви к анатомическим исследованиям, а из желания окунуться в эмоции страха и ужаса жертвы.

Часто власть достигается и поддерживается с помощью примитивных психологических приемов внушения, во многом сходных с бюрократическими методами подавления инициативы. Иногда это стремление к власти завуалировано, казалось бы, гуманными целями, с которыми обращаются к людям многочисленные «гуру», «целители» и «спасители рода человеческого». Их влияние особенно усилилось в последнее время, и это вполне объяснимо, если учесть, что такое «целительство» приносит иногда положительные результаты, так как число психосоматических заболеваний среди людей весьма велико и постоянно увеличивается. Во многом это обусловлено отсутствием простой и понятной для многих людей научно обоснованной философской парадигмы.

Многие люди, стремящиеся к тем или иным формам власти, до поры до времени скрывают от окружающих и, возможно, до конца не осознают полностью, что многими их поступками движет именно этот мотив. Само по себе это стремление, вопреки устоявшемуся мнению, не является чем-то постыдным, но здесь весьма важно знать к какой форме власти стремится данный индивид. Если в нем заложено или воспитано стремление к достижению беспрекословного подчинения или поклонения окружающих, то последствия его прихода к большой власти могут оказаться самыми трагичными, даже если эта власть на первых порах не выходит за рамки научного мифотворчества. Ярким примером этого является Т. Д. Лысенко в отечественной биологии, сумевший развалить отечественную генетику, а заодно уничтожить или убрать из науки тех, кто не признавал за безусловную истину отстаиваемый им миф.

Человек разумный живет в мире мифов и для более уверенной ориентации в среде обитания вынужден выбирать для себя определенный миф или определенную совокупность мифов. Выбор этих мифов во многих случаях обусловлен не логическими соображениями или познавательными мотивами, а определенными внешними и не всегда отчетливо проявляющимися свойствами мифа, которые могут оказаться приемлемыми или неприемлемыми для данного индивида. В этих свойствах большую роль играют такие качества мифа, как его доступность для восприятия, контингент его носителей и приверженцев, число сторонников мифа, декларируемые или подразумеваемые средства, с помощью которых предполагается внедрение мифа в социальной среде, его направленность на определенную социальную группу, определение «врагов» этого мифа и т. д. Все эти качества имеют непосредственное отношение к тому, что здесь названо социоэтикой мифа. Социоэтика мифа тесно связана с психоэтикой тех, кто создавал и совершенствовал этот миф, и тех, кто поверил этому мифу и стал его носителем.

В мифах находит свое безусловное подтверждение гипотеза Сепира-Уорфа (*Уорф*, 1960) о воздействии языка на представления о мире. Только здесь мы не ограничиваемся рамками национальных языков. Миф - это тоже язык, для которого межнациональные языковые преграды не являются препятствием. Перефразируя слова Гейне (см. эпиграф к разделу 4), можно сказать, что мы с приобретением нового мифа приобретаем не только

новые глаза, но и новое отношение ко всему тому, что нас окружает. Если мы, допустим, восприняли без критики миф об информациологической модели Вселенной (Юзвизин, 2000), то любые разоблачения со стороны ученых с мировым именем (Кругляков, 2004) нам покажутся происками злопыхателей. Тем самым теряются остатки доверия к науке, к фактам, к логике. Каждый деструктивный миф сокрушает различие между истиной и фальсификацией. И к этике это имеет самое непосредственное отношение хотя бы потому, что воспринимая без критики деструктивный миф, мы находим врагов там, где их нет, а друзьями для нас становятся те, кого неоднократно уличали в искажении фактов и в логической безграмотности.

При выборе мифа определенным индивидуумом большую роль играет его предрасположенность к принятию «правил игры», обусловленных социоэтикой определенного мифа и его стремлением оказаться во власти мифа или мифотворца и в то же время сохранить хотя бы какое-то чувство свободы. Взаимодействие психоэтик и социоэтик в динамическом мире мифов еще не исследовано и поэтому говорить сейчас о каких-то четких методических рекомендациях преждевременно. В нашу задачу входит лишь обоснование реальности этого взаимодействия и целесообразности его более подробного изучения. Однако несколько общих соображений по этому поводу все же хотелось бы высказать.

Когда речь идет о познании и о творчестве в сфере познания, то здесь, разумеется, немалую роль играет чувство свободы. Но часто оказывается так, что человек, стремящийся обрести свободу с помощью отказа от определенных этических норм, попадает во власть определенного, возможно, созданного им самим, авторитарного мифа и тем самым становится рабом этого мифа, а заодно и слепцом, не замечающим все те ошибки, которые сопровождают любой, даже самый, казалось бы, строго обоснованный миф, особенно в начальной стадии его становления. А внешние признаки таких авторитарных мифов весьма прозрачны — неэтичное пресечение каких-либо дискуссий по поводу мифа. О том, как часто прибегали к навешиванию ярлыков и обидных прозвищ идеологи марксизма, знают многие. Но подобные случаи нередко происходят и в «чистой» науке. Многим известны слова Д. Гильберта: «Никто не может изгнать нас из рая, который создал нам Кантор», но мало кто помнит, что попытки критики программы Гильберта относительно формализации математики сам Гильберт охарактеризовал как «попытку организовать путч». В стане «путчистов» оказались такие известные математики, как Л. Э. Я. Брауэр, Г. Вейль и к тому времени давно почивший Л. Кронекер, один из первых критиков теории множеств Г. Кантора.

Иногда эти дискуссии пресекаются прямыми авторитарными методами (например, гласный или негласный запрет в некоторых научных журналах публикаций любых дискуссионных или антагонистичных определенному мифу статей), а иногда и косвенными, когда язык мифа настолько непонятен, что отбивает охоту у любого здравомыслящего критика ввязываться в дискуссию. Анализ этих косвенных методов пресечения дискуссий с точки зрения здравого смысла относится уже к детальным методам исследования. К этим методам исследования в первую очередь относится логический анализ мифа.

Большинство научных мифов претендуют на самодостаточность, которая достигается с помощью выбора и изобретения соответствующей терминологии. Тем самым каждый миф отличается от других мифов не только содержанием, но и языком. Причем в современной науке стремление изобретать новый язык для определенной отрасли знаний стало своеобразной самоцелью, которая не доходит до полного абсурда

только потому, что эта самоцель до сих пор еще явно не закреплена соответствующими нормативными актами. Но негласно это стремление к «языковым играм» проявляется повсеместно. При таком подходе к созданию мифов затрудняется возможность обнаружения и исследования междисциплинарных связей, т.е. тем самым как бы искусственно ставятся преграды для реализации естественной познавательной потребности человека. В этих условиях требование системной, всесторонней, а не односторонней оценки любого мифа является не просто этическим правилом, но конструктивным принципом методологии познания. И именно здесь тесно взаимодействуют естественная логика и этика ответственности, на которых как на фундаменте можно строить философию здравого смысла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В философии можно найти немало самых разных ответов на вопрос: чем отличается человек разумный от животного или от современного компьютера? Многие склоняются к мысли, что главное отличие от животного в том, что человек способен обучаться сложному многофункциональному языку. И именно благодаря такой способности родились в человеческом обществе религия, философия, наука, техника и технология. Однако современные компьютеры тоже "владеют" сложными языками, но их функционирование и взаимодействие, даже если оно осуществляется без видимого участия человека, невозможно сравнить с тем, что происходило и происходит в настоящее время в человеческом обществе. Мне кажется, что язык лишь необходимая компонента главной отличительной особенности человека – способности создавать и воспринимать новые мифы и безусловно верить в некоторые из них. И в экстремальных ситуациях черпать из этой безусловной веры энергию созидания новых духовных и материальных ценностей.

Но силы разрушения тоже питаются мифами. И эти силы сейчас настолько созрели, что порой создается ощущение, что современный мир стоит на грани катастрофы. Различие между конструктивными и деструктивными мифами пока что не вполне определено. И в силу этого мы не знаем пока, чем и когда закончится история человеческой цивилизации. Чтобы это узнать и заодно предотвратить возможные грядущие катаклизмы, необходимо создавать новую науку, название которой (по аналогии с психоанализом) – *мифоанализ*. Предполагается, что мифоанализ станет связующим звеном между психологией человека, социологией, методологией воспитания и образования и теорией познания. Предпосылки этой науки автор попытался изложить в данной книге.

Литература

- Адамар Ж.* Исследование психологии процесса изобретения в области математики. — М.: Советское радио. 1970.
- Адлер А.* Наука жить. — М., 1997.
- Адлер Г.* НЛП: современные психотехнологии. — СПб.: Питер, 2001.
- Альтшуллер Г.С.* Алгоритм изобретения. — М.: «Московский рабочий», 1973.
- Ананьев Б. Г.* Психология чувственного познания. — М., 1960.
- Апель К.-О.* Трансцендентально-герменевтическое понятие языка // Вопросы философии. 1997, № 1, с. 76-92.
- Асмус В.Ф.* Проблема интуиции в философии и математике. — М., 1965.
- Бунге М.* Интуиция и наука. — М., 1967.
- Бурбаки Н.* Очерки по истории математики. — М., 1963.
- Васильев Н.А.* Воображаемая логика. — М.: Наука, 1989.
- Винер Н. Я* — математик. — М., 1964.
- Герасимов И.Г.* Научное исследование. — М., 1972.
- Герцен А.И.* Сочинения. Т. 2. — М., 1955.
- Герцен А.И.* Былое и думы. — М. – Л., 1947.
- Головин Б. Н.* Введение в языкознание. — М., 1966.
- Гэри М., Джонсон Д.* Вычислительные машины и труднорешаемые задачи. — М.: Мир, 1982. — 416 с.
- Дубровский Д.И.* Психические явления и мозг. — М., 1971.
- Звегинцев В.А.* Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968.
- Зиновьев А.А.* Логическая физика. — М., 1972.
- Каверин С. Б.* Потребность власти. — М.: 1991.
- Канке В.А.* Основные философские направления и концепции науки. — М.: «Логос», 2000.
- Карри Х.Б.* Основания математической логики. — М., Мир, 1969.
- Клини С.* Математическая логика. — М.: Мир, 1973. — 480 с.
- Кольцова М.М.* Ребенок начинает говорить. — М.: «Советская Россия», 1979.
- Котелова Н.З.* Значение слова и его сочетаемость. — Л.: 1975.
- Кривоносов А.Т.* Язык. Логика. Мышление. — М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 1996.
- Кругляков Э.П.* Чем угрожает обществу современная лженаука? // Вестник РАН, 2004, т. 74, № 1, с.8-27.
- Кувакин В.А.* Твой рай и ад. Человечность и бесчеловечность человека. (Философия, психология и стиль мышления гуманизма). — М. — СПб, 358 с.
- Кулик Б. А.* Представление логических систем в вероятностном пространстве на основе алгебры кортежей. 1. Основы алгебры кортежей // Автоматика и телемеханика. 1997, № 1. — С. 126-136.
- Кулик Б. А., Наумов М. В.* Представление логических систем в вероятностном пространстве на основе алгебры кортежей. 2. Измеримые логические системы // Автоматика и телемеханика. 1997, № 2. — С. 169-179.
- Кулик Б.А.* Логика естественных рассуждений. — СПб.: Невский диалект, 2001.
- Кэрролл Л.* Логическая игра. — М.: Наука, 1991. — 192 с.
- Леви-Стросс К.* Структурная антропология. — М., 1983.
- Ленин В.И.* Философские тетради. Полн. собр. соч. Т. 29.
- Лоренц К.* Агрессия (так называемое «зло»). — М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. — 272 с.
- Лосев А. Ф.* Миф. Число. Сущность. — М.: Мысль, 1994. — 919 с.
- Мальцев А. И.* Алгебраические системы. — М.: Наука, 1970. — 392 с.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 23.
- Налимов В.В., Мульченко З.М.* К вопросу о логико-лингвистическом анализе языка науки // Математизация научного знания — М., 1972.

- Налчаджян А. А.* Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания. — М., 1972.
- Обуховский К.* Психология влечений человека. — М., 1971.
- Одоевский В. Ф.* Русские ночи. — Л.: Наука, 1975. 317 с.
- Павлов И.П.* Избранные произведения. — Л., 1949.
- Платонов К.К.* О системе психологии. — М., 1972.
- Поварнин С. И.* Спор. О теории и практике спора. — Минск, 1992.
- Попович М.В.* О философском анализе языка науки. — Киев. 1966.
- Пропп В.Я.* Морфология сказки. — М., 1969.
- Психология и психоанализ власти (хрестоматия) в 2-х томах.* — Самара: Издательский Дом «БАХРАХ», 1999.
- Рид К.* Гильберт. — М., 1977.
- Сагатовский В. Н.* Есть ли выход у человечества? — СПб.: «Петрополис», 2000.
- Свадост П.В.* Как возникнет всеобщий язык? — М., 1968.
- Светлов В.А.* Практическая логика. — СПб.: Из-во РХГИ, 1995.
- Симонов П.В.* Неосознаваемое психическое: подсознание и сверхсознание. //Природа, № 3, 1983.
- Смирнов В.А.* Логические методы анализа научного знания. — М.: Наука, 1987.
- Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. — М., 1933.
- Стиркин А.Г.* Сознание и самосознание. — М., 1972.
- Сухотин А.К.* Парадоксы науки. — М.: Молодая гвардия, 1980. — 240 с.
- Уотсон Дж. Д.* Двойная спираль. — М.: Мир, 1969.
- Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. — М., 1960. — Вып. 1.
- Ухтомский А.А.* Доминанта . — М-Л.,1966.
- Ухтомский А.А.* Письма // Пути в незнаемое. Вып. 10. М. 1973.
- Фейербах Л.* Избранные философские произведения. М.1955, т.1.
- Фромм Э.* Бегство от свободы. — М.: 1990.
- Хананашвили М.М.* Внимание — эксперимент. — М., 1971.
- Хананашвили М.М.* Механизмы нормальной и патологической условно-рефлекторной деятельности. — Л. 1972.
- Хьюз Э.* Бернард Шоу. — М.,1968.
- Чикобава А.С.* Проблема языка как предмета языкознания — на материале зарубежного языкознания. — М. 1959.
- Чуковский К.* От двух до пяти. — М. , 1970.
- Юзвишин И.И.* Основы информатиологии. — М. Высшая школа. 2000.
- Юрьев А. И.* Введение в политическую психологию. — СПб.: Изд-во СПб ГУ, 1992. — 232 с.